

Утверждён
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
1 сентября 2014 года

О Б З О Р
судебной практики
Верховного Суда Российской Федерации
за январь-июль 2014 года

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

I. Вопросы квалификации

1. Из приговора исключено указание о применении ст. 70 УК РФ ввиду того, что новое преступление осуждённым совершено по истечении срока условно-досрочного освобождения по предыдущему приговору.

По приговору суда от 2 декабря 2003 г. Т. (ранее судимый 17 января 2001 г. по п. «в» ч. 3 ст. 161 УК РФ, освобождён 1 августа 2002 г. условно-досрочно на 7 месяцев 12 дней) осуждён по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 16 годам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ назначено наказание в виде 16 лет 6 месяцев лишения свободы.

Кассационным определением от 12 мая 2004 г. приговор в отношении Т. изменён: исключено указание о признании в действиях Т. особо опасного рецидива преступлений, и назначено отбывание наказания в исправительной колонии строгого, а не особого режима.

Президиум областного суда 21 февраля 2011 г. постановил считать Т. осуждённым по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 16 годам лишения

свободы, на основании ст. 70 УК РФ к 16 годам 2 месяцам лишения свободы.

Постановлением суда от 28 марта 2012 г. внесены изменения в приговор от 17 января 2001 г.: действия Т. переквалифицированы с пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) на пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ), по которым назначено наказание в виде 2 лет 1 месяца лишения свободы; внесены изменения в приговор от 2 декабря 2003 г. – наказание, назначенное Т. на основании ст. 70 УК РФ, смягчено с 16 лет 2 месяцев до 16 лет 1 месяца лишения свободы.

Кассационным определением от 31 мая 2012 г. постановление от 28 марта 2012 г. оставлено без изменения.

Президиум областного суда 18 ноября 2013 г. постановление суда от 28 марта 2012 г. и кассационное определение от 31 мая 2012 г. в отношении Т. изменил: постановил считать Т. осуждённым по приговору суда от 2 декабря 2003 г. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам 9 месяцам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ к 15 годам 10 месяцам лишения свободы.

В надзорной жалобе осуждённый Т. выражал несогласие с постановлением президиума областного суда от 18 ноября 2013 г., считал, что суд надзорной инстанции недостаточно смягчил назначенное ему наказание, не учёл все изменения в действующем законодательстве, улучшающие его положение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила надзорную жалобу Т. частично, указав следующее.

Статья 10 УК РФ ограничивает распространение закона, которому может придаваться обратная сила, моментом погашения, снятия судимости, поскольку с этого времени устраняются все неблагоприятные последствия осуждения. Пересмотр приговора возможен до погашения или снятия судимости.

С учётом того, что судимость Т. по приговору от 17 января 2001 г., согласно п. «г» ч. 2 ст. 86 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ), считается погашенной 13 октября 2008 г., оснований для пересмотра приговора в силу ст. 10 УК РФ не имеется.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших

соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших, но имеющих судимость; если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом.

Указанное положение закона предполагает применение общих начал назначения наказания, в силу которых в таких случаях смягчение наказания осуществляется в пределах, определяемых всей совокупностью норм Уголовного кодекса Российской Федерации, – не только Особенной его частью, но и Общей.

Президиум областного суда, назначая Т. наказание по правилам ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров от 17 января 2001 г. и от 2 декабря 2003 г. не учёл, что срок наказания, назначенный ему по первому приговору, с учётом внесённых в него изменений снизился с 2 лет 6 месяцев лишения свободы до 2 лет 1 месяца.

Поскольку наказание, назначенное Т. по приговору суда от 17 января 2001 г., смягчено с 2 лет 6 месяцев до 2 лет 1 месяца лишения свободы, неотбытый срок наказания по этому приговору соответственно сократился на 5 месяцев и стал составлять не 7 месяцев 12 дней, а 2 месяца 12 дней лишения свободы.

Следовательно, срок наказания, назначенный Т. по приговору от 17 января 2001 г., истёк 13 октября 2002 г.

Преступление, за которое Т. осуждён по приговору от 2 декабря 2003 г., совершено им 3 февраля 2003 г., т.е. по истечении срока условно-досрочного освобождения по приговору от 17 января 2001 г.

Таким образом, назначение наказания в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров от 17 января 2001 г. и 2 декабря 2003 г. является незаконным.

С учётом изложенного Судебная коллегия изменила постановление суда от 28 марта 2012 г., кассационное определение от 31 мая 2012 г. и постановление президиума областного суда от 18 ноября 2013 г.: исключила ссылку на назначение Т. окончательного наказания по правилам ст. 70 УК РФ. Постановила считать Т. осуждённым по приговору суда от 2 декабря 2003 г. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам 9 месяцам лишения свободы.

Определение № 81-Д14-1

2. Действия лица, признанного виновным в нанесении одного удара ножом в жизненно важный орган (в области шеи), приведшие

к смерти потерпевшего, обоснованно квалифицированы как убийство.

Д. признан виновным в убийстве лица, заведомо для него находящегося в беспомощном состоянии, и осуждён по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Как указано в приговоре, Д., будучи в состоянии алкогольного опьянения, на почве личных неприязненных отношений, разозлившись на свою родственницу Р., нанёс ей удар ножом в область шеи, причинив резаную рану передней поверхности шеи, повлекшую острую кровопотерю, от которой спустя несколько часов потерпевшая Р. скончалась в больнице.

В апелляционных жалобах осуждённый Д. и его адвокат просили изменить приговор, переквалифицировать действия Д. с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ. Утверждали, что вывод суда о наличии у Д. прямого умысла на причинение потерпевшей Р. смерти является предположением, потерпевшая получила телесные повреждения по неосторожности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения по следующим основаниям.

Суд обоснованно признал, что доводы осуждённого об отсутствии у него умысла на убийство Р. противоречат фактическим обстоятельствам дела, установленным на основании показаний самого Д., который не отрицал, что нанёс потерпевшей Р. удар ножом в шею, и выводов судебно-медицинского эксперта о том, что смерть Р. последовала в результате острой кровопотери, возникшей вследствие резаной раны шеи, и что данное ранение находится в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти.

Несмотря на то что смерть Р. наступила не сразу и Д. стал оказывать помощь потерпевшей, указанные обстоятельства сами по себе не свидетельствуют об отсутствии у него умысла на убийство Р. в момент причинения ей ножевого ранения.

Таким образом, действия осуждённого Д. квалифицированы в соответствии с установленными фактическими обстоятельствами дела и правовая оценка содеянного является правильной.

Апелляционное определение № 60-АПУ13-14

3. Действия лица переквалифицированы с п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ на пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, поскольку смерть

потерпевшего наступила в результате умышленных действий лиц после его похищения.

Согласно приговору А., Б. и другие осуждённые с целью принудить К. вернуть деньги договорились о его похищении. Реализуя задуманное, осуждённые обманным путём вынудили потерпевшего К. выйти из квартиры, насильно увезли его в один из домов, где, требуя возврата денег, избили. Кроме того, А. и Б. нанесли К. множество ударов ножами, причинив ему ушиб головы, непроникающие и проникающие колото-резанные ранения груди и живота, что вызвало массивную кровопотерю, повлёкшую смерть потерпевшего.

Указанные действия осуждённого А. квалифицированы судом (с учётом внесённых изменений) по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и пп. «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Осуждённый А. в надзорной жалобе поставил вопрос о переквалификации содеянного им с п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ на ч. 2 ст. 126 УК РФ в связи с отсутствием тяжких последствий его действий.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе, изменил судебные решения, указав следующее.

Квалифицируя похищение А. потерпевшего К. по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ, суд указал в приговоре, что эти действия повлекли тяжкие последствия, выразившиеся в причинении потерпевшему смерти.

Между тем п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Как установил суд, смерть потерпевшему причинена умышленно после его похищения, поэтому эти действия А. как непосредственного исполнителя получили самостоятельную юридическую оценку по пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

При таких данных действия А., выразившиеся в похищении потерпевшего К., подлежат переквалификации с п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ на пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ как совершённые группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, и угрозой его применения, из корыстных побуждений.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 1-ПК14С*

II. Назначение наказания

4. Суд апелляционной инстанции по представлению государственного обвинителя признал в действиях осуждённого наличие опасного рецидива преступлений, а не рецидива преступлений.

По приговору суда А. (ранее судимый) осуждён по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ к 10 годам лишения свободы, по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ к 10 годам лишения свободы. На основании чч. 3 и 4 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний назначено 13 лет лишения свободы.

Государственный обвинитель в апелляционном представлении просил изменить приговор в отношении А. в части признания вида рецидива преступлений, полагая, что в силу ч. 2 ст. 18 УК РФ действия А. образуют опасный рецидив преступлений, а не рецидив преступлений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила апелляционное представление, указав следующее.

Как видно из материалов дела, А., совершивший особо тяжкое преступление, ранее был судим по приговору от 2 марта 2008 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, т.е. за тяжкое преступление, с применением ст. 64 УК РФ к 4 месяцам лишения свободы и освобождён 25 мая 2008 г. по отбытии наказания.

При таких данных Судебная коллегия изменила приговор и признала в действиях А. наличие опасного рецидива преступлений вместо рецидива преступлений.

Поскольку в апелляционном представлении государственный обвинитель не просил об усилении А. наказания, оснований для рассмотрения Судебной коллегией такого вопроса в связи с изменением вида рецидива не имеется.

Апелляционное определение № 5-АПУ13-80

5. Лицо считается судимым со дня вступления приговора в законную силу.

По приговору суда от 12 сентября 2003 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Ш. (ранее судимый) осуждён по ч. 1 ст. 313 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ) и другим статьям. На основании ч. 3 ст. 69 и ст. 70 УК РФ Ш.

назначено 23 года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

В надзорном представлении указано, что выводы суда о наличии в действиях Ш. особо опасного рецидива преступлений ошибочны, в связи с чем он должен отбывать наказание в исправительной колонии строгого режима.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в отношении осуждённого Ш., мотивировав своё решение следующим.

Согласно ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признаётся совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершённое умышленное преступление.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо, осуждённое за совершение преступления, считается судимым со дня вступления приговора в законную силу до момента погашения или снятия судимости.

При признании особо опасного рецидива преступлений суд исходил из того, что Ш. был осуждён по приговору от 5 октября 2001 г. по п. «в» ч. 3 ст. 162, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Между тем указанный приговор вступил в законную силу 25 июня 2002 г., тогда как преступления, за которые Ш. осуждён по данному уголовному делу, совершены им в марте 2002 года, то есть до вступления упомянутого приговора в законную силу.

Следовательно, осуждённый Ш. не может считаться лицом, имеющим судимость на момент совершения преступлений, за которые он осуждён по данному уголовному делу, а потому его действия не образуют рецидив преступлений.

В силу изложенного Президиум исключил из судебных решений указание о признании особо опасного рецидива преступлений отягчающим наказание Ш. обстоятельством. Отбывание наказания Ш.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 299-П13ПР*

6. Добровольное возмещение потерпевшему имущественного ущерба и морального вреда, причинённых в результате преступления, признано обстоятельством, смягчающим наказание осуждённого.

По приговору суда У. осуждён по ч. 2 ст. 162 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы.

Адвокат в апелляционной жалобе в защиту осуждённого У. просил назначить У. наказание, не связанное с лишением свободы, поскольку последний возместил потерпевшему материальный ущерб и компенсировал моральный вред в полном объёме на добровольной основе.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и на основании п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ признала обстоятельством, смягчающим наказание У., добровольное возмещение им имущественного ущерба и морального вреда, причинённых в результате преступления.

Факт добровольного возмещения в полном объёме имущественного ущерба и морального вреда, причинённого потерпевшему, подтверждается его нотариально заверенным заявлением.

Судебная коллегия смягчила наказание, назначенное У. по ч. 2 ст. 162 УК РФ, до 2 лет лишения свободы.

Апелляционное определение № 58-АПУ13-28

7. Суд первой инстанции назначил женщине, осуждённой по ч. 2 ст. 105 УК РФ, при наличии смягчающих обстоятельств наказание, превышающее пределы, установленные ч. 1 ст. 62 УК РФ.

По приговору суда от 20 июля 2010 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Г. осуждена по пп. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 15 лет лишения свободы.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении Г. оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по надзорной жалобе осуждённой, изменил судебные решения и смягчил назначенное Г. по пп. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание до 13 лет 3 месяцев лишения свободы, указав следующее.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьёй Особенной части УК РФ.

Максимальный срок наказания за преступление, совершённое Г., исходя из требований ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ о том, что

пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам не назначаются, составляет 20 лет лишения свободы.

Суд признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание осуждённой, активное способствование раскрытию преступления, то есть обстоятельство, указанное в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Обстоятельств, отягчающих наказание Г., не имеется.

Однако наказание, назначенное судом осуждённой по пп. «а», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, превышает пределы, установленные ч. 1 ст. 62 УК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 321-П13*

8. Суд надзорной инстанции ошибочно назначил по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ дополнительное наказание в виде штрафа путём полного сложения наказаний.

По приговору суда Б. осуждён по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ (за преступление, совершённое 28 марта 2011 г.) на 6 лет лишения свободы со штрафом в размере 15 000 рублей; по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228 УК РФ (за преступление, совершённое 30 марта 2011 г.) на 5 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 7000 рублей; по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ (за преступление, совершённое 4 апреля 2011 г.) на 5 лет 7 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 8000 рублей. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ он осуждён на 7 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 30 000 рублей.

С учётом изменений, внесённых судом надзорной инстанции, Б. осуждён по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 228¹ УК РФ на 6 лет лишения свободы со штрафом в размере 15 000 рублей, по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228 УК РФ на 5 лет 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 7000 рублей. По совокупности преступлений на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ ему назначено 7 лет 4 месяца лишения свободы со штрафом в размере 29 000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осуждённого, изменила судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 69 УК РФ окончательное дополнительное наказание назначается путём поглощения менее строгого наказания более строгим либо путём частичного или полного сложения

назначенных наказаний. Указанное требование закона судом надзорной инстанции нарушено.

Так, суд надзорной инстанции, назначая Б. окончательное наказание по совокупности преступлений на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путём частичного сложения наказаний, назначил ему дополнительное наказание в виде штрафа в размере 29 000 рублей, тогда как даже при полном сложении дополнительных наказаний в виде штрафа в размере 15 000 рублей и 7000 рублей сумма штрафа составляет 22 000 рублей, а не 29 000 рублей.

При таких данных Судебная коллегия изменила приговор и последующие судебные решения и смягчила назначенное Б. по совокупности преступлений на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ дополнительное наказание в виде штрафа до 20 000 рублей.

Определение № 38-Д14-9

9. Суд, признав необходимым применение принципа частичного сложения наказаний по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, вопреки этому полностью сложил назначенные осуждённому дополнительные наказания в виде ограничения свободы.

По приговору суда А. осуждён по п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ к 8 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний окончательно назначено 16 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил о смягчении дополнительного наказания в виде ограничения свободы ввиду того, что суд, признав необходимым избрать принцип частичного сложения наказаний, в нарушение этого полностью сложил назначенные осуждённому дополнительные наказания за каждое из совершённых преступлений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор по следующим основаниям.

За каждое из совершённых преступлений суд назначил осуждённому в том числе дополнительное наказание в виде ограничения свободы на 1 год.

Однако при назначении окончательного наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ суд применил принцип частичного сложения наказаний и назначил в том числе дополнительное наказание в виде ограничения

свободы на 2 года, что свидетельствует о применении принципа полного сложения наказаний.

Судебная коллегия изменила приговор и снизила срок окончательного дополнительного наказания в виде ограничения свободы до 1 года 6 месяцев.

Апелляционное определение № 81-АПУ14-1

10. В связи с истечением срока давности уголовного преследования на момент рассмотрения уголовного дела в суде вышестоящей инстанции лицо освобождено от наказания, назначенного по ч. 1 ст. 135 УК РФ.

По приговору суда от 20 ноября 2012 г. Г. осуждён по ч. 1 ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 13 июня 2013 г. изменила приговор в части назначенного Г. наказания по ч. 1 ст. 135 УК РФ.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении просил об освобождении Г. от наказания по ч. 1 ст. 135 УК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, указав следующее.

Судом установлено, что осуждённый совершил развратные действия в отношении своей несовершеннолетней дочери в один из дней середины апреля 2011 года. Данные действия осуждённого квалифицированы судом по ч. 1 ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ), санкция которой предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 3 лет, то есть в соответствии с положениями ч. 2 ст. 15 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) данное преступление относится к категории преступлений небольшой тяжести.

В силу положений п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления небольшой тяжести истёк срок 2 года. При этом на основании ч. 2 ст. 78 УК РФ сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу.

Поскольку преступление совершено в апреле 2011 года и течение срока давности уголовного преследования по основаниям, предусмотренным законом, в отношении Г. не приостанавливалось, Президиум признал, что на момент рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции, которое состоялось 13 июня 2013 г., срок давности уголовного преследования за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 135 УК РФ, истёк.

В связи с изложенным Президиум освободил Г. от наказания по ч. 1 ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования и исключил назначение Г. наказания по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 262-П13ПР*

11. При назначении наказания лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, судом не учтены положения ч. 5 ст. 88 УК РФ, в соответствии с которыми наказание в виде ограничения свободы несовершеннолетним может назначаться только в качестве основного наказания.

Несовершеннолетние К. и Т. признаны виновными в совершении действий сексуального характера с применением насилия и угрозой применения насилия к потерпевшей, группой лиц, в отношении несовершеннолетней, и им было назначено наказание в виде лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с установлением определённых ограничений и обязанностей.

Государственный обвинитель в апелляционном представлении просил об изменении приговора с исключением из него назначения обоим осуждённым дополнительного наказания в виде ограничения свободы, ссылаясь на положения ч. 5 ст. 88 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив материалы уголовного дела и обсудив доводы апелляционного представления, изменила приговор по следующим основаниям.

При назначении наказания лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, суду следует руководствоваться не только санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ и нормами об отдельных видах наказаний, но и требованиями главы 14 УК РФ, предусматривающими особенности наказания несовершеннолетних,

которые подлежат применению в том случае, когда они противоречат нормам главы 9 УК РФ.

Так, хотя ст. 53 УК РФ не предусматривает особенности применения наказания в виде ограничения свободы в отношении лиц, которым ко времени совершения преступления не исполнилось восемнадцати лет, в ст. 88 УК РФ о видах наказаний, назначаемых несовершеннолетним, указано, что ограничение свободы назначается несовершеннолетним осуждённым в виде основного наказания на срок от 2 месяцев до 2 лет. Иных случаев назначения несовершеннолетним лицам наказания в виде ограничения свободы в законе не предусмотрено.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия изменила приговор и исключила назначение осуждённым дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

Апелляционное определение № 56-АПУ13-42

III. Процессуальные вопросы

12. Нарушение права на защиту лица, которое в силу психических недостатков не могло его осуществлять, повлекло отмену кассационного определения и направление уголовного дела на новое кассационное рассмотрение.

По приговору суда от 22 мая 2008 г. С. осуждён по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Кассационным определением от 18 июля 2008 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорном представлении заместитель прокурора просил кассационное определение отменить и дело направить на новое кассационное рассмотрение, так как суд кассационной инстанции рассмотрел его без участия защитника.

Как следует из заключения комиссии экспертов-психиатров, С. обнаруживает признаки лёгкой умственной отсталости. В то же время у него нет грубых нарушений мышления, значительного снижения интеллекта, что свидетельствует о невыраженности имеющегося у него интеллектуального дефекта и сохранённой способности осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и руководить ими как в момент совершения преступления, так и в настоящее время. В применении принудительных мер медицинского характера С. не нуждается. Он может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания.

Однако самостоятельно и полноценно защищаться от обвинения в связи со сниженным интеллектом С. не может.

Это заключение судом исследовано и признано допустимым доказательством.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять своё право на защиту.

По данному делу это требование закона было нарушено, так как при рассмотрении судом кассационной инстанции дела в отношении С. в судебном заседании защитник отсутствовал, что повлекло нарушение права С. на защиту.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила кассационное определение в отношении осуждённого С. и дело направила на новое кассационное рассмотрение в тот же суд, но иным составом суда.

Определение № 83-ДП13-21

13. Воспроизведение в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтверждённых им в суде, путём допроса в качестве свидетеля – дознавателя или следователя, производившего дознание или предварительное следствие, недопустимо.

П. признан виновным в убийстве двух лиц и осуждён по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ).

В обоснование своего решения о виновности П. в убийстве суд сослался на показания сотрудников полиции о том, что П. после задержания признавал себя виновным в убийстве и изложил обстоятельства его совершения.

Между тем в соответствии с правовой позицией, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 44-О, недопустимо воспроизведение в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтверждённых им в суде, путём допроса в качестве свидетеля дознавателя или следователя, производивших дознание или предварительное следствие.

Суд не вправе допрашивать дознавателя и следователя, равно как и сотрудника, осуществляющего оперативное сопровождение дела, о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, восстанавливать содержание этих показаний вопреки закреплённому в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтверждённые им в суде, относятся к недопустимым доказательствам. Тем самым закон исключает возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений.

Поэтому показания свидетелей (сотрудников полиции) относительно сведений, которые им стали известны из беседы с П. в отсутствие его защитника, также не могут быть использованы в качестве доказательства его виновности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исключила из приговора ссылку на показания указанных свидетелей в части воспроизведения сведений, сообщённых им П. при задержании, как на доказательство, подтверждающее виновность осуждённого.

Апелляционное определение № 14-АПУ13-17

14. Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

По приговору суда (с учётом внесённых изменений) Х. осуждён по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Осуждённый Х. в надзорной жалобе просил об отмене состоявшихся по делу судебных решений, утверждая, что приговор основан на доказательствах, которые не являлись предметом исследования суда в ходе судебного разбирательства.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и другие состоявшиеся по делу судебные решения в отношении Х. по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 240 УПК РФ приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. Однако это требование закона при рассмотрении данного уголовного дела судом не выполнено.

Из приговора усматривается, что суд как на одно из доказательств виновности Х. в содеянном сослался в том числе на акт исследования денежных средств. Между тем согласно протоколу судебного заседания данное доказательство в ходе судебного разбирательства исследовано не было.

В этой связи Судебная коллегия исключила из приговора ссылку как на одно из доказательств виновности Х. на «акт исследования денежных средств».

Вместе с тем Судебная коллегия указала, что внесение такого изменения не влияет на доказанность вины Х. в совершенном преступлении, не уменьшает объём предъявленного ему обвинения и не может служить основанием для смягчения назначенного ему наказания.

Определение № 49-Д13-72

15. Приговор в части осуждения лица за незаконное изготовление огнестрельного оружия отменён, поскольку в нарушение требований ст. 307 УПК РФ в его описательно-мотивировочной части не указаны обстоятельства преступного деяния, а именно способ его совершения, составляющие объективную сторону данного преступления и подлежащие доказыванию.

По приговору суда Б. осуждён по ч. 2 ст. 223 УК РФ (по эпизоду изготовления обреза), ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) (по эпизоду незаконного хранения боеприпаса) и по другим статьям Уголовного кодекса.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе, приговор в части осуждения Б. по ч. 2 ст. 223 УК РФ отменила, уголовное преследование в этой части прекратила на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с его непричастностью к совершению данного преступления.

Согласно приговору Б. осуждён по ч. 2 ст. 223 УК РФ за незаконное изготовление огнестрельного оружия группой лиц по предварительному сговору совместно с лицом, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного дела в связи со смертью.

Однако из показаний Б., признанных судом достоверными, следует, что именно от лица, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного дела, поступила информация о приобретении им охотничьего ружья и о его желании обрезать ствол. Б. только присутствовал, когда тот человек отпиливал ствол ружья. Затем он же

(т. е. лицо, в отношении которого принято решение о прекращении уголовного дела в связи со смертью) выбросил обрезки ствола и сказал, что сам обрез спрячет у себя дома.

Таким образом, суд установил, что обрез изготавливался в присутствии Б., однако конкретные действия Б. по изготовлению оружия, в приговоре не приведены.

В связи с отменой приговора и прекращением уголовного преследования по данной статье за Б. признано право на реабилитацию в соответствии с требованиями ст. 133 УПК РФ.

Апелляционное определение № 30-АПУ14-1

16. Постановление суда, вынесенное по итогам рассмотрения требования о возмещении реабилитированному имущественного вреда, является промежуточным судебным решением и подлежит пересмотру в апелляционном порядке в судебной коллегии по уголовным делам суда того же уровня.

Постановлением Сахалинского областного суда требование Г. о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации удовлетворено частично.

На данное постановление были поданы апелляционная жалоба представителя Министерства финансов Российской Федерации и апелляционное представление прокурора, адресованные в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь ст. 34, 389¹¹ УПК РФ, направила материалы дела по требованию Г. о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации в судебную коллегию по уголовным делам Сахалинского областного суда, указав следующее.

Согласно положениям ч. 2 ст. 389³ УПК РФ в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации обжалуются в апелляционном порядке лишь приговоры и иные итоговые решения краевого суда. Промежуточные судебные решения обжалуются в судебную коллегию по уголовным делам соответствующего, то есть краевого или областного, суда.

Постановление суда, вынесенное по итогам рассмотрения требования о возмещении реабилитированному имущественного вреда, в соответствии с пп. 53² и 53³ ст. 5 УПК РФ не является итоговым судебным решением, поскольку им уголовное дело не разрешается по существу. Следовательно, оно отнесено законом к промежуточным

судебным решениям и подлежит пересмотру в апелляционном порядке в судебной коллегии по уголовным делам областного суда.

В силу требований ч. 1 ст. 34 УПК РФ судья, установив при разрешении вопроса о назначении судебного заседания, что поступившее дело не подсудно данному суду, выносит постановление о направлении данного дела по подсудности.

Постановление № 64-АПУ14-5

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

I. Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из гражданских правоотношений

Практика применения законодательства о праве собственности

1. Внесение доли в праве собственности на недвижимое имущество в уставный капитал общества не нарушает прав собственников этого имущества, не требует их предварительного уведомления, не наделяет преимущественным правом на её приобретение и, как следствие, не предоставляет им возможности перевода на себя прав и обязанностей покупателя.

Р. обратилась в суд с иском в порядке ст. 250 ГК РФ к обществу, Х. о переводе прав и обязанностей приобретателя 1/2 доли в праве собственности на здание станции технического обслуживания автомобилей. В обоснование иска ссылалась на то, что ей принадлежит 1/2 доли в праве собственности на указанное здание, а 1/2 доли в праве собственности на него принадлежала Х., который внёс свою долю в данном недвижимом имуществе в уставный капитал общества. Ответчики не извещали Р. о своём намерении передать/приобрести долю в праве общей долевой собственности на здание, в связи с чем истец полагал, что тем самым нарушено её преимущественное право на приобретение принадлежавшей Х. доли в указанном имуществе.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Апелляционным определением указанное решение отменено, по делу принято новое решение, которым исковые требования Р. удовлетворены.

В кассационных жалобах Х. и общества ставился вопрос об отмене апелляционного определения и оставлении в силе решения районного суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации установила, что имеются основания для отмены обжалуемого судебного постановления по следующим основаниям.

Судом установлено, что здание станции технического обслуживания автомобилей принадлежало на праве общей долевой собственности Р. (1/2 доли в праве) и Х. (1/2 доли в праве).

Х. внёс свою долю в праве собственности на указанный объект недвижимости в уставный капитал общества и был принят в качестве участника данного общества с долей в его уставном капитале 97,98 %, в связи с чем собственником данной доли в праве собственности на здание станции технического обслуживания автомобилей стало общество.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Р., суд первой инстанции исходил из того, что правила преимущественной покупки применяется только к договору купли-продажи, за исключением продажи с публичных торгов, и к договору мены, а внесение имущества в качестве вклада в уставный капитал общества и договор купли-продажи по своей правовой природе являются различными сделками. При этом суд первой инстанции отметил, что при внесении доли в уставный капитал общества отсутствует покупатель как сторона по договору купли-продажи (мены). Также не установлен факт получения Х. денежных средств за передачу своей доли в уставный капитал общества.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об удовлетворении исковых требований Р., вышестоящий суд пришёл к выводу о том, что в силу положений ст. 246 ГК РФ требования ст. 250 ГК РФ должны распространяться и при внесении участником долевой собственности принадлежащей ему доли в качестве вклада в уставный капитал общества, поскольку такая сделка является возмездной.

Между тем в силу п. 1 ст. 250 ГК РФ при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продаётся, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов.

При продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевой собственности имеет право в течение трёх месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя (п. 3 указанной статьи).

Правила этой статьи применяются также при отчуждении доли по договору мены.

По смыслу указанной нормы, правило преимущественной покупки применяется только к договору купли-продажи, за исключением случаев продажи с публичных торгов, и к договору мены.

Между тем Х. внёс свою долю в праве собственности на спорный объект недвижимости в уставный капитал общества и принят в качестве участника данного общества с долей в его уставном капитале.

Внесение доли в праве общей собственности в уставный капитал хозяйственного общества по своей правовой природе отличается от договора купли-продажи, а также от договора мены такого имущества, поскольку в первом случае приобретает статус участника такого общества с правами и обязанностями, предусмотренными законом и учредительными документами общества, таким образом, имеет место встречное представление.

Однако между Х. и обществом не заключалось ни договора купли-продажи, ни договора мены.

Судом первой инстанции сделан правильный вывод о том, что внесение Х. доли в уставный капитал общества не нарушает права Р. как сосособственника недвижимого имущества, не требует её предварительного уведомления, не наделяет её преимущественным правом и, как следствие, не предоставляет ей возможности перевода на себя прав и обязанностей покупателя.

При таких обстоятельствах у суда апелляционной инстанции отсутствовали законные основания для отмены решения суда первой инстанции и принятии по делу нового решения об удовлетворении иска Р. на основании ст. 250 ГК РФ, которая к спорным правоотношениям неприменима.

Доводы о том, что в данном случае к спорным правоотношениям подлежит применению ст. 250 ГК РФ по аналогии, несостоятельны, поскольку в соответствии с этой нормой перевод прав и обязанностей приобретателя по сделке в праве общей собственности возможен только по договору купли-продажи и по договору мены, между тем спорные правоотношения под действие ни одного из договоров не подпадают.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемое апелляционное определение, оставив в силе решение районного суда.

Определение № 56-КГ13-12

Вопросы социальной защиты инвалидов

2. Инвалиды и семьи, имеющие в своём составе инвалидов, подлежат обеспечению земельными участками для индивидуального жилищного строительства в первоочередном

порядке только в том случае, если они признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий или имеют основания для постановки на жилищный учёт.

С. обратилась в суд с иском к администрации города (далее – администрация) о признании отказа в предоставлении земельного участка незаконным и возложении обязанности по предоставлению земельного участка, сославшись на то, что она является инвалидом II группы и имеет право на первоочередное выделение земельного участка. С. обратилась в администрацию с заявлением о предоставлении земельного участка для индивидуального жилищного строительства с указанием места расположения этого земельного участка, в чём ей было отказано в связи с отсутствием решения о постановке её на учёт в качестве нуждающейся в жилом помещении.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иск С. удовлетворён, отказ администрации в предоставлении С. как инвалиду в первоочередном порядке земельного участка в аренду без проведения торгов (аукциона) признан незаконным, на администрацию возложена обязанность по предоставлению С. соответствующего земельного участка.

Обсудив доводы кассационной жалобы администрации, отзыв на кассационную жалобу, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления по следующим основаниям.

Удовлетворяя исковые требования С., суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истец относится к категории лиц, имеющих право на первоочередное получение земельного участка для индивидуального жилищного строительства, поскольку действующее законодательство не ставит право инвалидов на первоочередное получение земельного участка для указанных целей в зависимость от наличия каких-либо условий.

Между тем в соответствии с положениями ст. 28 ЗК РФ земельные участки из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются гражданам и юридическим лицам в собственность или в аренду.

Конституция Российской Федерации (ст. 7), провозглашая Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека, возлагает на государство обязанность обеспечивать государственную поддержку инвалидов, развивать систему социальных служб, устанавливать государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

К числу таких гарантий относятся и положения ч. 14 ст. 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», закрепляющие право инвалидов и семей, имеющих в своём составе инвалидов, на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства.

Вместе с тем ст. 17 указанного Федерального закона поименована «Обеспечение инвалидов жилой площадью» и регламентирует способы реализации права инвалидов и их семей на улучшение жилищных условий.

В соответствии с Правилами предоставления льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг, утверждёнными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июля 1996 г. № 901, инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учёт и обеспечиваются жилыми помещениями с учётом льгот, установленных Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», по обеспечению жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг, по получению земельных участков для индивидуального жилищного строительства, а также ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства в соответствии с установленным порядком и положениями данных Правил.

Исходя из системного анализа приведённых норм закона право на первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства предусмотрено законодателем с целью установления дополнительных гарантий реализации жилищных прав инвалидов и семей, имеющих в своём составе инвалидов, и соответственно, связано с нуждаемостью граждан, относящихся к данной категории лиц, в улучшении жилищных условий.

Таким образом, первоочередное обеспечение земельными участками инвалидов и семей, имеющих в своём составе инвалидов, для индивидуального жилищного строительства является мерой социальной поддержки, направленной не на всех инвалидов и семей, имеющих в своём составе инвалидов, а на тех относящихся к этой категории лиц, которые нуждаются в получении такой социальной поддержки как дополнительной гарантии реализации их жилищных прав, то есть на инвалидов и семей, имеющих в своём составе инвалидов, состоящих на жилищном учёте или имеющих основания для постановки на жилищный учёт.

Данный подход соответствует принципу справедливости как соразмерности предоставления прав субъектам правоотношений.

С учётом изложенного по делам, связанным с правами инвалидов на первоочередное обеспечение земельными участками, одним из юридически значимых обстоятельств, имеющих юридическое значение и подлежащих установлению, является наличие или отсутствие нуждаемости инвалида в улучшении жилищных условий.

Установление данного юридически значимого обстоятельства включает в себя как исследование вопроса состояния инвалида на жилищном учёте, так и проверку наличия у инвалида оснований для постановки на учёт нуждающихся в жилом помещении.

Следовательно, по настоящему делу при исследовании оснований для предоставления С. в первоочередном порядке земельного участка для индивидуального жилищного строительства юридически значимым обстоятельством является наличие или отсутствие нуждаемости С. в улучшении жилищных условий.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 91-КГ13-7

Споры, возникающие из жилищных правоотношений

3. В случае выезда в другое место жительства право пользования приватизированным жилым помещением бывшего члена семьи собственника может быть прекращено независимо от того, что в момент приватизации это лицо имело равное право пользования данным жильём с приватизировавшим его лицом.

Л. обратилась в суд с иском к С. о прекращении права пользования жилым помещением, указав, что ответчик в спорном жилом помещении не проживает длительное время, коммунальные услуги не оплачивает.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Обсудив доводы кассационной жалобы Л., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Судом установлено, что Л. с 2005 года является собственником квартиры на основании договора передачи квартиры в собственность в порядке приватизации.

Ответчик С. – сын истца – зарегистрирован в указанном жилом помещении по месту жительства с 1996 года.

Судом на основании показаний свидетелей установлено, что ответчик выехал из квартиры и не живёт в ней более 10 лет.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что отсутствие ответчика по месту жительства носит временный характер, право пользования другим жилым помещением он не приобрёл.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что С. на момент приватизации спорного жилого помещения имел равное с истцом право пользования этим помещением, а потому за ним должно сохраняться право пользования данным жилым помещением в силу ст. 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Вводный закон).

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника.

В силу ч. 4 ст. 31 ЖК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», по смыслу чч. 1 и 4 ст. 31 ЖК РФ к бывшим членам семьи собственника жилого помещения относятся лица, с которыми у собственника прекращены семейные отношения. Отказ от ведения общего хозяйства иных лиц (помимо супругов) с собственником жилого помещения, отсутствие у них с собственником общего бюджета, общих предметов быта, неоказание взаимной поддержки друг другу и т.п., а также выезд в другое место жительства могут свидетельствовать о прекращении семейных отношений с собственником жилого помещения.

Правовые последствия отсутствия бывших членов семьи собственника жилого помещения в жилом помещении по причине выезда из него Жилищный кодекс Российской Федерации не регламентирует.

Исходя из аналогии закона (ст. 7 ЖК РФ) к ситуации, связанной с выездом из жилого помещения бывших членов семьи собственника, подлежат применению положения ст. 83 ЖК РФ, а также разъяснения, содержащиеся в п. 32 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».

Согласно этим разъяснениям судам необходимо выяснить, по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т.п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населённый пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьёй в другом жилом помещении и т.п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нём, приобрёл ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др.

При этом также необходимо учитывать, что отсутствие у гражданина, добровольно выехавшего из жилого помещения в другое место жительства, в новом месте жительства права пользования жилым помещением по договору социального найма или права собственности на жилое помещение само по себе не может являться основанием для признания отсутствия этого гражданина в спорном жилом помещении временным, поскольку согласно ч. 2 ст. 1 ЖК РФ граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права. Намерение гражданина отказаться от пользования жилым помещением по договору социального найма может подтверждаться различными доказательствами, в том числе и определёнными действиями, в совокупности свидетельствующими о таком волеизъявлении гражданина как стороны в договоре найма жилого помещения.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Кроме того, суд в нарушение требований ч. 4 ст. 198 ГПК РФ не указал ни доказательства, на основании которых он пришёл к выводу о том, что С. временно выехал из квартиры, ни доводы, по которым он

отверг показания свидетелей со стороны истца, являющиеся доказательствами в силу ст. 69 ГПК РФ, о том, что ответчик добровольно выехал в другое место жительства более 10 лет назад.

Указанные нарушения не были устранены и судом апелляционной инстанции.

Ссылка судов на ст. 19 Вводного закона, положенная в обоснование отказа в удовлетворении заявленных требований, признана ошибочной.

В соответствии со ст. 19 Вводного закона действие положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором.

При этом из названия ст. 31 ЖК РФ следует, что ею регламентируются права и обязанности именно тех граждан, которые проживают совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении.

Следовательно, в случае выезда в другое место жительства право пользования жилым помещением бывшего члена семьи собственника, в котором он проживал вместе с собственником жилого помещения, может быть прекращено независимо от того, что в момент приватизации спорного жилого помещения бывший член семьи собственника жилого помещения имел равное право пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что С., будучи сыном истца, не может являться бывшим членом её семьи в силу родства, также несостоятельна, поскольку возможность признания детей бывшими членами семьи их родителя – собственника жилого помещения в случае достижения такими детьми дееспособности в полном объёме действующим жилищным законодательством не исключается.

Определение № 46-КГ13-6

4. Собственнику или нанимателю жилого помещения, признанного непригодным для проживания и не подлежащим ремонту и реконструкции, которые состоят на учёте в качестве нуждающихся в предоставлении жилья, жилое помещение по договору социального найма должно быть предоставлено вне очереди незамедлительно.

С. обратился в суд с иском к администрации района, администрации города, квартирно-эксплуатационной части,

территориальному управлению Федерального агентства по управлению государственным имуществом о предоставлении жилого помещения, указав в обоснование своих требований, что он является собственником комнаты в трёхкомнатной квартире на основании договора передачи комнаты в коммунальной квартире в собственность граждан. В 2005 году актом межведомственной комиссии по признанию жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания жилой дом, в котором расположена данная квартира, признан непригодным для проживания. Отселение до настоящего времени не произведено, он с 2008 года стоит на учёте в списке граждан, имеющих право на внеочередное предоставление жилого помещения, в качестве малоимущего и нуждающегося в предоставлении жилья. На его обращение в администрацию района с просьбой предоставить жилое помещение по договору социального найма был дан ответ, что по мере приобретения жилых помещений в порядке очереди ему предоставят жилое помещение. Просил суд обязать администрацию города предоставить ему жилое помещение не менее 16 кв. м в виде отдельной квартиры на территории города на условиях договора социального найма.

Решением районного суда иски требования С. удовлетворены в части.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу вынесено новое решение об отказе С. в удовлетворении заявленных требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации удовлетворила кассационную жалобу С., отменив апелляционное определение с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

Разрешая дело по существу и удовлетворяя заявленные С. требования в части, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, пришёл к выводу о том, что С., являясь собственником комнаты в квартире площадью 15,9 кв. м, подлежит выселению из занимаемого жилого помещения ввиду признания дома аварийным и непригодным для проживания, в связи с чем возложил на администрацию города обязанность по предоставлении ему однокомнатной квартиры, соответствующей установленным санитарным и техническим нормам и правилам, общей площадью не менее 16 кв. м, находящейся в черте города.

С данным выводом суда первой инстанции не согласился суд апелляционной инстанции, сочтя, что судом первой инстанции неправильно применены нормы материального права, поскольку С. состоит в очереди на предоставление жилого помещения во

внеочередном порядке как малоимущий, нуждающийся в предоставлении жилого помещения, в предоставлении жилого помещения согласно указанной очередности по правилам, предусмотренным ст. 57 ЖК РФ, ответчиком истцу отказано не было, в связи с чем заявленные С. требования не могли быть удовлетворены.

Вместе с тем в силу ч. 1 ст. 57 ЖК РФ жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, состоящим на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в порядке очерёдности исходя из времени принятия таких граждан на учёт, за исключением установленных ч. 2 данной статьи случаев.

В соответствии с п. 1 ч. 2 данной правовой нормы вне очереди жилые помещения по договору социального найма предоставляются гражданам, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания и ремонту и реконструкции не подлежат.

Указанная норма закона не ставит право на внеочередное предоставление жилья в зависимость от наличия или отсутствия иных лиц, имеющих право на получение жилой площади вне очереди, от обеспечения жильём других очередников, от времени постановки на учёт в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, от включения в список граждан, имеющих право на получение жилого помещения вне очереди (список внеочередников), тем более – от времени включения в список внеочередников. Нет в ней и указаний на предоставление жилья в порядке очерёдности лиц равной категории.

Отсутствие в законодательстве указания на срок, в течение которого жильё должно быть предоставлено гражданам, имеющим право на его внеочередное предоставление, свидетельствует о том, что жильё указанной категории граждан должно быть предоставлено незамедлительно после возникновения соответствующего субъективного права – права на получение жилого помещения вне очереди, а не в порядке какой-либо очереди (по списку внеочередников).

Иное толкование п. 1 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ противоречит прямо установленному данной нормой исключению из общего правила о предоставлении жилых помещений в порядке очередности в отношении лиц, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания и не подлежащими ремонту или реконструкции.

При этом федеральный законодатель не связывает возможность признания гражданина нуждающимся в получении жилого помещения с конкретным правом, на котором ему принадлежит (или ранее принадлежало) жилое помещение, а потому нуждающимся, по смыслу

приведённых законоположений, может быть признан как наниматель по договору социального найма, так и собственник жилого помещения.

При разрешении возникшего спора приведённые положения ст. 57 ЖК РФ судом апелляционной инстанции учтены не были, что привело к нарушению прав С., обратившегося с требованием о незамедлительном предоставлении ему жилого помещения по договору социального найма.

Определение № 45-КГ13-14

II. Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений

5. Установление на территории субъекта Российской Федерации районного коэффициента к заработной плате не свидетельствует о её отнесении к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, а также к районам Севера и о предоставлении проживающим и работающим там лицам гарантий и компенсаций, предусмотренных для северных районов России.

К. обратился в суд с иском к Управлению Федеральной службы судебных приставов по Республике Хакасия (далее – Управление) о взыскании компенсации расходов стоимости проезда и провоза багажа ему и членам его семьи к месту использования отпуска и обратно и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что он с 2006 года состоит на государственной гражданской службе в Управлении в должности судебного пристава-исполнителя. В 2012 году он с семьёй находился в очередном оплачиваемом отпуске в г. Новороссийске, в связи с чем им были понесены расходы на приобретение билетов. Истец полагал, что имеет право на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно, поскольку на территории Республики Хакасия к заработной плате установлен районный коэффициент в размере 1,3. Однако ответчик отказался компенсировать указанные расходы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования К. удовлетворены частично – в его пользу с Управления взысканы компенсация расходов стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно, компенсация морального вреда, судебные расходы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев кассационную жалобу Управления,

пришла к выводу о том, что при рассмотрении дела судами были допущены существенные нарушения, являющиеся согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке.

Удовлетворяя заявленные требования, судебные инстанции, сославшись на положения ст. 325 ТК РФ, ст. 33 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-I «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (в редакции от 24 июля 2009 г.), постановление Правительства Российской Федерации от 12 июня 2008 г. № 455 «О порядке компенсации расходов на оплату проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и членов их семей», пришли к выводу о том, что территория Республики Хакасия отнесена к тем районам, на которые указанным законодательством распространяются льготы и компенсации, установленные для районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей.

Между тем в соответствии с ч. 1 ст. 325 ТК РФ лица, работающие в организациях, финансируемых из федерального бюджета, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, имеют право на оплату один раз в два года за счет средств работодателя (организации, финансируемой из федерального бюджета) стоимости проезда в пределах территории Российской Федерации к месту использования отпуска и обратно любым видом транспорта (за исключением такси), в том числе личным, а также на оплату стоимости провоза багажа весом до 30 килограммов. Право на компенсацию указанных расходов возникает у работника одновременно с правом на получение ежегодного оплачиваемого отпуска за первый год работы в данной организации.

Аналогичные положения содержатся и в ст. 33 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-I «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

Перечнем районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утверждённым постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1983 г. № 12, Республика Хакасия не отнесена к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

Пунктом 3 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4521-I «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» установлено, что предусмотренные данным законом государственные гарантии и компенсации распространяются на районы Севера, в которых начисляются районный коэффициент и процентная надбавка к заработной плате, но не отнесённые к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям.

Правительство Российской Федерации постановлением от 3 декабря 1992 г. № 933 установило на территории Республики Хакасия районный коэффициент к заработной плате в размере 1,3.

Между тем установление указанного коэффициента не свидетельствует об отнесении Республики Хакасия к районам Крайнего Севера или приравненным к ним местностям, а также районам Севера.

Следовательно, на работников и государственных служащих, проживающих и работающих в Республике Хакасия, не распространяются положения указанных выше правовых норм в части предоставления права на получение компенсации стоимости проезда к месту проведения отдыха и обратно по территории Российской Федерации один раз в два года.

Таким образом, оснований для удовлетворения исковых требований К. у суда не имелось.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований, не передавая дело на новое рассмотрение.

Определение № 55-КГ13-11

6. Сотрудникам органов внутренних дел, уволенным со службы до 1 января 2012 г., единовременное пособие при получении в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы, выплачивается в размере 60 окладов денежного содержания.

При расчёте размера указанного пособия применение окладов денежного содержания, установленных постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № 878,

предусмотрено только в отношении сотрудников, проходящих по состоянию на 1 января 2012 г. службу в органах внутренних дел.

А. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о взыскании единовременного пособия в размере двух миллионов рублей.

Приказом от 2 декабря 2011 г. истец уволен из органов внутренних дел по п. 8 ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (по болезни – на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в полиции). Основанием для издания приказа послужили свидетельство о болезни, представление на увольнение и рапорт А. В соответствии с данным приказом истцу выплачено единовременное пособие в размере десяти окладов по должности и специальному званию.

Заключением бюро медико-социальной экспертизы от 13 января 2012 г. он признан инвалидом второй группы вследствие военной травмы, полученной в период службы в органах внутренних дел. Впоследствии истец обратился к ответчику с заявлением о выплате ему единовременного пособия в сумме, установленной п. 5 ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в размере двух миллионов рублей, ответа на которое он не получил.

Решением районного суда требования А. удовлетворены в полном объёме.

Апелляционным определением указанное решение изменено и в пользу А. взыскано единовременное денежное пособие в размере 1 080 000 (один миллион восемьдесят тысяч) рублей.

Рассмотрев кассационную жалобу органа внутренних дел, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления, указав следующее.

Согласно ч. 3 ст. 29 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции» при получении сотрудником милиции в связи с осуществлением служебной деятельности телесных повреждений, исключающих для него возможность дальнейшего прохождения службы, ему выплачивалось единовременное пособие в размере пятилетнего денежного содержания из средств соответствующего бюджета с последующим взысканием этой суммы с виновных лиц.

Закон Российской Федерации «О милиции» в связи с принятием Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» утратил силу с 1 марта 2011 г., однако прежнее правовое регулирование правоотношений по выплате единовременного пособия сохранено в ч. 5

ст. 43 указанного Федерального закона, согласно которой при получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере, равном 60-кратному размеру оклада денежного содержания, установленного на день выплаты пособия.

19 июля 2011 г. принят Федеральный закон № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 19 которого внесены изменения в ч. 5 ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Исходя из новой редакции приведённой нормы при получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере двух миллионов рублей.

Данный Федеральный закон вступил в силу с 1 января 2012 г. (ст. 21).

Удовлетворяя требования, суд первой инстанции исходил из того, что при определении размера данной выплаты следует руководствоваться законодательством, действовавшим на день рассмотрения спора в суде, то есть ч. 5 ст. 43 Федерального закона «О полиции» в редакции Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, предусматривающей выплату единовременного пособия в размере 2 000 000 рублей.

Суд апелляционной инстанции, изменяя судебное решение, указал на то, что поскольку истец уволен из органов внутренних дел 2 декабря 2011 г., то ему следовало выплатить единовременное пособие в размере 60 окладов денежного содержания, установленное ч. 5 ст. 43 Федерального закона «О полиции» в редакции Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, то есть в размере 1 080 000 руб., и применил при расчете оклады денежного содержания, установленные с 1 января 2012 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № 878.

Вместе с тем п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № 878 «Об установлении окладов месячного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», изданного во исполнение Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», установлено,

что действие этого постановления распространяется на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в органах внутренних дел Российской Федерации, с 1 января 2012 г.

По смыслу приведенной выше нормы, применение новых окладов денежного содержания предусмотрено только в отношении сотрудников, проходящих по состоянию на 1 января 2012 г. службу в органах внутренних дел.

Из п. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № 878 также следует, что новые размеры окладов установлены в соответствии с замещаемыми должностями по типовым должностям сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации согласно приложению № 1 к названному постановлению сотрудникам, которым присвоены специальные звания сотрудников органов внутренних дел согласно приложению № 4 к постановлению.

Таким образом, должностной оклад в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № 878 мог быть установлен А. приказом его руководителя лишь после 1 января 2012 г. при условии продолжения прохождения им службы в органах внутренних дел, тогда как А. уволен со службы на основании приказа от 2 декабря 2011 г., в связи с чем действие постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № 878 «Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» на него не распространяется.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении иска А. к органу внутренних дел по Республике Ингушетия о взыскании единовременного пособия.

Определение № 26-КГ13-25

7. Сумма пенсии, не полученная своевременно военным пенсионером в результате неправильного исчисления выслуги лет по вине военного комиссариата, выплачивается за прошлое время без ограничения каким-либо сроком.

С. обратился в суд с иском к военному комиссариату о перерасчёте назначенной и выплачиваемой ему с 1983 года пенсии, взыскании задолженности по её выплате с учётом индексации исходя из уровня инфляции, компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что при назначении пенсии ему неправильно была определена выслуга лет,

исходя из которой был произведён расчёт пенсии, а именно выслуга лет была определена в 25 лет, тогда как она составляет 26 лет, в связи с чем начисление пенсии происходило в меньшем размере, недоплата составляла 3% ежемесячно, с 1984 года он неоднократно обращался к ответчику по вопросу перерасчёта назначенной и выплачиваемой ему пенсии, однако удовлетворительного ответа не получил.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований С. отказано.

В кассационной жалобе С. просил отменить указанные судебные постановления.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе С. отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Судом установлено, что С. является пенсионером по линии Минобороны России с 3 марта 1983 г., получает пенсию за выслугу лет.

В соответствии с выпиской из приказа от 23 декабря 1982 г. С. был уволен с действительной военной службы в запас, выслуга лет в Вооружённых Силах в календарном исчислении была определена в 21 год 3 месяца, в льготном исчислении – 25 лет.

Согласно выписке из личного дела С. 5 октября 1960 г. он был призван на военную службу и проходил ее по призыву по 1 ноября 1963 г., в последующем: с 1 сентября 1964 г. по 2 марта 1983 г. – проходил военную службу в различных воинских должностях.

В связи с неоднократным обращением С. по вопросу правильности произведённого подсчёта выслуги лет и расчёта пенсии в 2011 году ему было сообщено об истребовании из архива выписки из приказа о его увольнении в запас 2 ноября 1963 г., после чего выслуга лет С. была определена в 26 лет 00 месяцев 26 дней. Ответчиком был установлен перерасчёт получаемой С. пенсии с 1 июня 2012 г. и произведена выплата за период с 4 апреля 2011 г. по 31 мая 2012 г., то есть за 12 месяцев, предшествовавших дню обращения за перерасчётом размера пенсии.

Разрешая спор, суд пришёл к выводу об отсутствии вины военного комиссариата в выплате истцу пенсии за выслугу лет в меньшем размере. При этом суд указал, что препятствием к невыплате истцу пенсии исходя из выслуги более 26 лет явилось отсутствие в его личном деле сведений о прохождении военной службы по призыву в период с 11 октября 1960 г. по 2 ноября 1963 г., которые были получены только

в 2012 году. Отказывая в удовлетворении требований о перерасчёте пенсии за период с 1983 г. по 2011 г., суд исходил из положений ст. 55 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», предусматривающих, что перерасчёт размеров пенсий за выслугу лет производится со дня наступления обстоятельств, влекущих за собой перерасчёт размеров пенсий в сторону увеличения; в случае, если пенсионер приобрёл право на перерасчёт размера пенсии в сторону увеличения, разница между новым и прежним размерами пенсии выплачивается ему со дня приобретения права на перерасчёт размера пенсии, но не более чем за 12 месяцев, предшествующих дню обращения за перерасчетом размера пенсии. В качестве обстоятельства, влекущего за собой перерасчёт размера пенсии в сторону увеличения, суд счёл истребованную из архива выписку из приказа командира части о его увольнении в запас 2 ноября 1963 г.

Между тем согласно ст. 11 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» пенсионное обеспечение лиц, указанных в ст. 1 названного закона, и их семей в зависимости от последнего места службы этих лиц осуществляется Министерством обороны Российской Федерации – в отношении военнослужащих, уволенных из Объединённых Вооружённых Сил Содружества Независимых Государств, Вооружённых Сил Российской Федерации, железнодорожных войск и других воинских формирований Российской Федерации, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации (кроме формирований, перечисленных в пп. «б» и «в» этой статьи), лиц, указанных в ч. 1 ст. 3 данного закона, а также их семей.

Несмотря на имеющиеся данные, подтверждающие, что С. проходил срочную военную службу с октября 1960 года по ноябрь 1963 года (копия военного билета), ответчик учитывал период для исчисления выслуги лет С. с октября 1960 г. по сентябрь 1963 г., в связи с чем ему неправомерно производилась выплата пенсии исходя из выслуги 25 лет.

Поскольку данная ошибка военного комиссариата была подтверждена после истребования только в 2012 году из архива выписки

из приказа командира части об увольнении С. в запас 2 ноября 1963 г., истцу был произведён расчёт выслуги, равной 26 годам 00 месяцев 26 дней. Следовательно, уменьшение размера выслуги лет истца произошло в связи с неправильным расчётом периодов срочной службы истца.

Часть вторая ст. 58 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I предусматривает, что сумма пенсии, не полученная пенсионером своевременно по вине органа, назначающего или выплачивающего пенсию, выплачивается за прошлое время без ограничения каким-либо сроком.

Таким образом, суд не учел, что признав свою вину в неправильном исчислении выслуги лет С. лишь в 2012 году, военный комиссариат в силу ч. 2 ст. 58 названного Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, должен был устранить допущенное им нарушение, выплатив пенсию за всё прошлое время, то есть с момента назначения пенсии.

Определение № 18-КГ13-146

8. Лицам, уволенным из органов военной прокуратуры и поступившим на гражданские прокурорские должности без возобновления военной службы, не может быть отказано в назначении военной пенсии за выслугу лет или приостановлена её выплата.

М. обратился в суд с иском к военному комиссариату о признании отказа в назначении пенсии и предоставлении социальных льгот необоснованным, возложении обязанности назначить пенсию, выдать пенсионное удостоверение и справку о размере пенсии.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований М. отказано.

Обсудив доводы кассационной жалобы М., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Судом установлено, что М. уволен в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе в звании «полковник юстиции» с правом на получение пенсии по выслуге лет и исключён из списков личного состава военной прокуратуры.

Впоследствии он был принят на федеральную государственную службу в качестве федерального государственного гражданского служащего прокуратуры военного округа с присвоением классного чина «старший советник юстиции».

М. обратился в пенсионный орган Минобороны России с заявлением о назначении ему военной пенсии за выслугу лет и выдаче соответствующего удостоверения, в удовлетворении которого ему было отказано военным комиссариатом.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, судебные инстанции, руководствуясь положениями ч. 2 ст. 6 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, а также постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2004 г. № 6-П, пришли к выводу о правомерности отказа в назначении пенсии за выслугу лет в связи с поступлением М. на государственную службу в прокуратуру военного округа.

Между тем Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» установлено, что система государственной службы включает в себя следующие виды: государственная гражданская служба, военная служба, правоохранительная служба.

Согласно пп. 1 и 3 ст. 40 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» служба в органах и учреждениях прокуратуры является федеральной государственной службой. Прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности с учётом требований названного Федерального закона. Правовое положение и условия службы прокурорских работников определяются этим Федеральным законом. Порядок прохождения службы военными прокурорами регулируется указанным Федеральным законом, Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» и Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Пунктом 1 ст. 48 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» предусмотрено, что военными прокурорами назначаются граждане Российской Федерации, годные по состоянию здоровья к военной службе, поступившие на военную службу, имеющие офицерское звание и отвечающие требованиям ст. 40 данного Федерального закона.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-І «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом

наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» лицам, имеющим право на пенсионное обеспечение, пенсии назначаются и выплачиваются после увольнения их со службы.

В ч. 2 ст. 6 указанного Закона установлен ограниченный перечень оснований для приостановления выплаты военной пенсии, а именно: поступление на военную службу или на службу в органы внутренних дел, в Государственную противопожарную службу, в органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ или учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, прокурорские работники к ним не отнесены.

Трудовой стаж работы в прокуратуре несопоставим по правовым признакам с воинской выслугой лет и не суммируется с ней при определении итоговой выслуги для назначения пенсии по линии Минобороны России.

В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 18 марта 2004 г. № 6-П, предоставляя лицам, проходившим военную и (или) правоохранительную службу, право на получение пенсии за выслугу лет за счёт средств федерального бюджета независимо от возраста при прекращении службы и одновременно закрепляя правило о приостановлении выплаты этой пенсии при их возвращении на военную или правоохранительную службу, федеральный законодатель исходил из специфики и характера такой службы, а также преследовал цель не только гарантировать указанным лицам соответствующее материальное обеспечение в случае необходимости оставить службу (как правило, более высокое, чем у лиц, получающих трудовые пенсии по старости по системе обязательного пенсионного страхования), но и стимулировать их переход в другие сферы занятости, способствовать своевременной ротации кадров на военной и правоохранительной службе.

При этом в названном постановлении указано, что пенсия подлежит приостановлению в том случае, когда лицо, которому она назначена, вновь поступает на службу на тех же условиях, на которых оно проходило службу.

В данном случае заявитель после увольнения и зачисления в запас поступил на другой вид государственной службы, отличный от военной.

В соответствии со ст. 18 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I служба в органах прокуратуры не учитывается при исчислении выслуги лет, необходимой для выплаты военной пенсии, выплачиваемой военным комиссариатом в соответствии с этим законом.

Таким образом, отказ в назначении пенсии или приостановление выплаты пенсии за выслугу лет уволенным из органов военной прокуратуры, поступившим на гражданские прокурорские должности без возобновления военной службы, не основаны на законе. В противном случае нарушается конституционный принцип равенства, поскольку в отличие от другой категории пенсионеров для этой категории граждан отсутствует механизм компенсации им приостановления выплаты пенсии за выслугу лет. Прохождение лицами, получающими пенсию за выслугу лет по нормам Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-І в связи с прохождением военной службы в органах военной прокуратуры, не влечёт увеличения военной выслуги, а также увеличения размера ранее назначенной им пенсии.

При таких обстоятельствах правовых оснований для отказа М. в назначении пенсии за выслугу лет не имелось, в связи с чем выводы судебных инстанций признаны неправильными.

Определение № 58-КГ14-3

9. Воспитание ребёнка в рамках договора о приёмной семье не является осуществлением трудовой деятельности в смысле, придаваемом этому понятию законодательством о предоставлении гарантий и компенсаций лицам, проживающим в районах Крайнего Севера.

Стоимость проезда к месту отдыха и обратно приёмному родителю-пенсионеру подлежит компенсации за счёт средств Пенсионного фонда Российской Федерации.

П. обратилась с иском к пенсионному органу о взыскании компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отдыха и обратно.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об удовлетворении иска П., указав следующее.

Установлено, что П. является получателем трудовой пенсии по старости. Между истцом и органом социальной защиты населения заключён договор о передаче на воспитание в приёмную семью ребёнка, по условиям которого опекуну выплачивается соответствующее денежное вознаграждение.

П. обратилась к ответчику с заявлением о компенсации стоимости проезда к месту отдыха и обратно для себя и несовершеннолетнего ребёнка, которое было удовлетворено.

Впоследствии по требованию ответчика истцом возвращены выплаченные расходы на оплату проезда к месту отдыха и обратно. Направляя П. требование о взыскании неосновательно выплаченной компенсации, пенсионный орган указал на то, что, поскольку П. в соответствии с договором о передаче ребёнка в приёмную семью получает вознаграждение, она является работающим пенсионером и положения ст. 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» в данном случае не подлежат применению.

Разрешая спор, суд со ссылкой на положения ст. 152 СК РФ, ст. 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», ст. 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения», ст. 7 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», п. 1 Правил компенсации расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями трудовых пенсий по старости и по инвалидности и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно пришёл к выводу о том, что воспитание ребёнка в рамках договора о передаче ребёнка в приёмную семью является осуществлением трудовой деятельности в рамках гражданско-правового договора, в связи с чем П. не может быть отнесена к категории неработающих пенсионеров, поэтому у неё отсутствует право на выплату компенсации на проезд к месту отдыха и обратно.

Вместе с тем ч. 2 ст. 152 СК РФ устанавливает, что к отношениям, возникающим из договора о приёмной семье, в части, не урегулированной данным кодексом, применяются правила гражданского законодательства о возмездном оказании услуг постольку, поскольку это не противоречит существу таких отношений.

Размер вознаграждения, причитающегося приёмным родителям, размер денежных средств на содержание каждого ребёнка, а также меры социальной поддержки, предоставляемые приёмной семье в зависимости от количества принятых на воспитание детей, определяются договором о приёмной семье в соответствии с законами субъектов Российской Федерации (п. 2 ст. 153¹ СК РФ).

Согласно ст. 15 ТК РФ трудовые отношения – отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы), подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором.

Заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается.

Согласно ст. 16 названного Кодекса трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с этим кодексом.

При этом положения ст. 325 ТК РФ и ст. 33 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» определяют условия и порядок выплаты компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно для лиц, осуществляющих трудовую деятельность, за счёт соответствующего работодателя.

Вывод суда о том, что приёмный родитель является работающим пенсионером в смысле, придаваемом этому понятию законодательством о предоставлении гарантий и компенсаций лицам, проживающим в районе Крайнего Севера, ограничивает право П. на реализацию соответствующих гарантий по возмещению дополнительных материальных и физиологических затрат в связи с проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Крайнего Севера, что в свою очередь ограничивает её в реализации прав и исполнении обязанностей в отношении опекаемого ребёнка.

В соответствии со ст. 34 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-I «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» компенсация расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями трудовых пенсий по старости и по инвалидности, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно один раз в два года осуществляется в

порядке, размере и на условиях, определяемых Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 апреля 2005 г. № 176 утверждены Правила компенсации расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями трудовых пенсий по старости и по инвалидности и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно, пунктом первым которых предусмотрено, что эти Правила определяют порядок, размер и условия компенсации расходов на оплату стоимости проезда неработающим пенсионерам, являющимся получателями трудовых пенсий по старости и по инвалидности, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно.

Таким образом, из приведённых норм права следует, что государством гарантируется право всех лиц, проживающих и работающих в районах Крайнего Севера, на компенсацию расходов стоимости проезда к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно. Работники такую компенсацию получают по месту осуществления трудовой деятельности за счёт работодателя, а неработающие пенсионеры – из Пенсионного фонда Российской Федерации.

П. не является работающим лицом, осуществляющим трудовую деятельность в рамках трудовых отношений, либо заключившей гражданско-правовой договор, основной целью которого является получение ею дохода от осуществления какой-либо деятельности, и не имеет возможности получить компенсацию к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно по месту работы за счёт работодателя. Таким образом, стоимость проезда к месту отдыха и обратно с учётом положений ст. 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и Правил компенсации расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями трудовых пенсий по старости и по инвалидности и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, ей должна быть компенсирована ответчиком за счёт средств Пенсионного фонда Российской Федерации.

С учётом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приняла по делу новое решение, которым иск П. удовлетворила, взыскав с пенсионного органа

в пользу П. компенсацию расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отдыха и обратно.

Определение № 94-КГ13-1

III. Процессуальные вопросы

Вопросы подведомственности

10. Дело по иску бывшего члена совета директоров к обществу о назначении доплаты к пенсии не является по своей сути корпоративным спором и не относится к ведению арбитражных судов.

Дело по иску бывшего члена совета директоров к обществу о назначении доплаты к пенсии не является корпоративным спором, относящимся к специальной подведомственности арбитражного суда.

О. является получателем пенсии по старости с 29 апреля 2012 г., в период с 6 июля 1995 г. по 15 февраля 2001 г. он являлся членом совета директоров общества.

О. обратился в суд с иском к обществу о возложении обязанности произвести доплату к пенсии.

В обоснование требований указал на то, что 13 июня 2000 г. в обществе было утверждено Положение об условиях работы членов совета директоров, в соответствии с которым членам совета директоров, проработавшим не менее двух сроков подряд, ежемесячно выплачивается доплата к пенсии в установленном размере. К моменту принятия этого Положения О. четыре срока подряд избирался членом совета директоров общества. Из ответа на его обращение к ответчику об установлении ему доплаты к пенсии стало известно, что на основании протокола заседания совета директоров общества отменено действие указанного выше Положения. Заявитель полагал, что в силу ст. 4, 6 ГК РФ отмена названного Положения не влечёт за собой отмену установленных им льгот членам совета директоров, работавшим в период его действия. В связи с этим просил обязать ответчика на основании его заявления установить доплату к пенсии.

Определением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, производство по делу прекращено в связи с неподведомственностью спора суду общей юрисдикции.

В кассационной жалобе О. ставился вопрос об отмене вынесенных судебных постановлений.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Принимая обжалуемые истцом судебные постановления, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что имеет место корпоративный спор, поскольку отношения между истцом и ответчиком не основаны на трудовом договоре и являются гражданско-правовыми отношениями, которые напрямую связаны с исполнением О. обязанностей в качестве члена совета директоров общества. При этом ссылались на положения ст. 27, 33, 225¹ АПК РФ.

Вместе с тем согласно ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, если сторонами в них являются юридические лица или индивидуальные предприниматели.

По правилам специальной подведомственности, установленным ст. 33 АПК РФ, к ведению арбитражных судов отнесены и другие дела.

Статьей 225¹ этого же кодекса определено понятие корпоративных споров, к которым в силу пункта четвёртого данной статьи относятся споры, связанные с назначением или избранием, прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих или входивших в состав органов управления и органов контроля юридического лица, а также споры, возникающие из гражданских правоотношений, между указанными лицами и юридическим лицом в связи с осуществлением, прекращением, приостановлением полномочий указанных лиц.

Между тем рассматриваемый спор не являлся корпоративным, поскольку не был связан с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, и не относился к категории дел, подведомственных арбитражному суду. Заявленное О. требование о назначении доплаты к пенсии не являлось требованием о выплате вознаграждения за работу в качестве члена совета директоров, подпадающим под определение корпоративного спора согласно ст. 225¹ АПК РФ, и данный спор не связан с правоотношениями между акционером (акционерами) и обществом или между акционерами. В рассматриваемом случае стороной спора являлся гражданин, бывший член совета директоров, который полагал, что у него возникло право на пенсию.

Заявитель полагал, что Положением об условиях работы членов совета директоров общества была фактически установлена социальная льгота для пенсионеров, в связи с чем требование о назначении доплаты к пенсии относится к подведомственности суда общей юрисдикции.

Определение № 2-КГ13-12

Оставление заявления без рассмотрения

11. Оставление заявления без рассмотрения на основании ст. 222 ГПК РФ возможно лишь в том случае, когда основания для этого имеют место на момент вынесения соответствующего определения.

Совет собственников помещений многоквартирного дома и его председатель Г. обратились в суд с иском к управляющей организации по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах о возложении обязанности передать совету собственников помещений дом по акту приёма-передачи, техническую документацию по обслуживанию дома, отчёт о проделанной работе по обслуживанию и ремонту общего имущества, провести экспертизу обследования состояния дома.

Решением районного суда исковые требования удовлетворены частично.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, исковое заявление оставлено без рассмотрения.

В кассационной жалобе председателя совета собственников помещений дома Г. ставился вопрос об отмене определения суда второй инстанции.

Рассмотрев кассационную жалобу председателя совета собственников помещений дома Г., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации установила основания, предусмотренные ст. 387 ГПК РФ, для отмены обжалуемого апелляционного определения и направления дела на новое апелляционное рассмотрение.

Отменяя решение суда первой инстанции и оставляя исковое заявление без рассмотрения, суд апелляционной инстанции исходил из того, что исковое заявление совета собственников помещений дома и его председателя Г. подано и подписано лицами, не имеющими полномочий на его подписание или предъявление иска, поскольку отсутствовали доверенности собственников помещений в многоквартирном доме,

уполномочивающие председателя совета многоквартирного дома Г. обращаться в суд в их интересах, подписывать иски и представлять их интересы в суде.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что представленные Г. нотариально удостоверенные доверенности собственников помещений нельзя принять во внимание, поскольку все доверенности выданы в 2013 году, а исковое заявление подано и решение по делу принято в 2012 году.

Вместе с тем в силу ст. 222 ГПК РФ суд оставляет заявление без рассмотрения в случае, если заявление подписано или подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание или предъявление иска.

Как предусмотрено чч. 1 и 2 ст. 48 ГПК РФ, граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

Дела организаций ведут в суде их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами, либо представители.

Полномочия органов, ведущих дела организаций, подтверждаются документами, удостоверяющими служебное положение их представителей, а при необходимости учредительными документами.

Согласно п. 5 ч. 8 ст. 161¹ ЖК РФ председатель совета многоквартирного дома на основании доверенности, выданной собственниками помещений в многоквартирном доме, выступает в суде в качестве представителя собственников помещений в данном доме по делам, связанным с управлением данным домом и предоставлением коммунальных услуг.

В соответствии с п. 1 ст. 185 ГК РФ доверенностью признаётся письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами.

Таким образом, гражданским законодательством предусмотрено, что доверенностью является письменный документ, оформленный надлежащим образом и в соответствии с требованиями, предъявляемыми к такого рода документам, содержащий указание на наделение полномочиями по представлению одним лицом интересов другого лица или группы лиц.

При подаче искового заявления суду представлялись решение внеочередного заочного общего собрания собственников помещений дома, решение совета собственников помещений дома и Положение о правах и обязанностях председателя и совета собственников помещений

многоквартирного дома, из которых следовало, что председатель совета многоквартирного дома наделён полномочиями представлять собственников помещений многоквартирного дома в судах общей юрисдикции.

Мотивов, по которым суд апелляционной инстанции пришёл к выводу о том, что данные документы не могут быть признаны доверенностью, выданной собственниками жилья на представление своих интересов в суде, а также указания на то, чем именно представленные документы не отвечают требованиям ст. 53 и 54 ГПК РФ, апелляционное определение не содержало.

Кроме того, в заседание суда апелляционной инстанции Г. были представлены доверенности от собственников помещений дома.

Данные доверенности суд апелляционной инстанции не принял, поскольку они были выданы Г. собственниками позже, чем состоялось решение суда первой инстанции.

Между тем в соответствии со ст. 328 ГПК РФ по результатам рассмотрения апелляционных жалобы, представления суд апелляционной инстанции вправе:

- 1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобу, представление без удовлетворения;
- 2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение;
- 3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части;
- 4) оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу, если жалоба, представление поданы по истечении срока апелляционного обжалования и не решён вопрос о восстановлении этого срока.

Оставление заявления без рассмотрения осуществляется на основании ст. 222 ГПК РФ, однако оно возможно лишь в том случае, когда основания для оставления заявления без рассмотрения имеют место на момент принятия такого решения.

Поскольку на момент принятия решения об оставлении без рассмотрения искового заявления Г. его право представлять интересы собственников помещений многоквартирного дома было подтверждено не только решением совета собственников помещений, но также и нотариально удостоверенными доверенностями, выданными самими

собственниками, у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для принятия такого решения.

Суд апелляционной инстанции также не принял во внимание положения ст. 44 ЖК РФ, определяющей полномочия общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, и то обстоятельство, что исковое заявление подавалось от имени совета собственников помещений дома, председателем которого являлся Г.

Определение № 58-КГ13-10

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Территориальный орган внутренних дел вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании нормативного правового акта, нарушающего его права, в порядке, предусмотренном главой 24 ГПК РФ.

Министерство внутренних дел по Удмуртской Республике (далее – МВД по Удмуртской Республике) обратилось в Верховный Суд Удмуртской Республики с заявлением о признании противоречащими федеральному законодательству отдельных норм Закона Удмуртской Республики от 13 октября 2011 г. № 57-РЗ «Об установлении административной ответственности за отдельные виды правонарушений».

Определением судьи Верховного Суда Удмуртской Республики, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Удмуртской Республики, в принятии заявления МВД по Удмуртской Республике отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

Отказывая в принятии заявления, судья исходил из того, что Министерство не относится к числу лиц, которые в соответствии с ч. 2 ст. 251 ГПК РФ вправе обратиться в суд с заявлением о признании нормативного правового акта противоречащим закону полностью или в части.

Определением судьи Верховного Суда Удмуртской Республики отказано в передаче кассационной жалобы МВД по Удмуртской Республике на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по кассационной жалобе МВД по Удмуртской Республике, с выводом суда первой инстанции не согласилась.

В соответствии с ч. 1 ст. 251 ГПК РФ гражданин, организация, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица нарушаются их права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации, законами и другими нормативными правовыми актами, вправе обратиться в суд с заявлением о признании этого акта противоречащим закону полностью или в части.

Согласно ч. 2 названной статьи с заявлением о признании нормативного правового акта противоречащим закону полностью или в части в суд вправе обратиться Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления, глава муниципального образования, считающие, что принятым и опубликованным в установленном порядке нормативным правовым актом нарушена их компетенция.

Из материалов дела следует, что МВД по Удмуртской Республике действует на основании Положения, утвержденного приказом МВД России от 27 апреля 2011 г. № 265, согласно которому оно является юридическим лицом, выступает истцом и ответчиком в суде (п. 20).

В заявлении, адресованном суду, и в кассационной жалобе МВД по Удмуртской Республике указывалось, что оспариваемым законом на Министерство необоснованно возложены полномочия по составлению протоколов по ряду административных правонарушений, что нарушает его права.

Изложенное свидетельствует о том, что МВД по Удмуртской Республике относится к числу лиц, названных в ч. 1 ст. 251 ГПК РФ, обладающих правом на оспаривание нормативных правовых актов в порядке, предусмотренном главой 24 ГПК РФ.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила обжалуемые судебные постановления, направив дело на рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение 43-КГ13-3

2. Заместитель прокурора вправе обращаться в суд с заявлением в порядке, установленном ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

Заместитель прокурора Сахалинской области обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с заявлением о признании незаконными действий должностных лиц пограничного органа федеральной службы безопасности. Определением судьи Сахалинского областного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Сахалинского областного суда, заявление возвращено заместителю прокурора Сахалинской области на основании п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ.

Определением судьи Сахалинского областного суда в передаче кассационного представления прокурора Сахалинской области для

рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

Проверив материалы дела по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Кехлерова С. Г., Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации нашла, что судами первой и апелляционной инстанций допущено существенное нарушение норм процессуального права.

В силу п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает заявление в случае, если заявление подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд.

Возвращая заявление, судья исходил из того, что заместитель прокурора не имеет полномочий обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределённого круга лиц.

При этом судья сослался на положения ч. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации», а также на предписания, содержащиеся в чч. 1 и 2 ст. 45 ГПК РФ, указав, что право на обращение в суд с таким заявлением принадлежит исключительно прокурору.

Оставляя без изменения определение о возвращении заявления, судебная коллегия по административным делам Сахалинского областного суда пришла к заключению о правильном применении судьей приведённых норм материального и процессуального права.

Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределённого круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Право прокурора на обращение в суд с заявлением в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства, закреплено и в п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации».

Гражданское процессуальное законодательство, регламентирующее вопросы, связанные с подачей заявления в суд, рассмотрением заявленных требований по существу, обжалованием судебных постановлений, не вступивших в законную силу, называя прокурора в составе лиц, участвующих в деле, не содержит нормы, определяющей понятие «прокурор». Это позволяет сделать вывод о том, что в ГПК РФ термин «прокурор» используется в качестве обобщающего.

При определении содержания понятия «прокурор» в гражданском процессе следует руководствоваться положениями ст. 54 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации», разъясняющей, что наименование «прокурор», содержащееся также и в п. 3 ст. 35 Закона, включает в себя не только непосредственно прокуроров, но и их заместителей.

Таким образом, вывод судьи первой инстанции и суда апелляционной инстанции о том, что заместитель прокурора Сахалинской области не имеет полномочий обратиться в суд с заявлением о признании незаконными действий должностных лиц пограничного органа федеральной службы безопасности, сделан с существенным нарушением требований процессуального законодательства. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определила обжалуемые судебные постановления отменить.

Определение 64-КГПР13-8

3. Суд вправе обязать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления совершить действия, вытекающие из их полномочий в области государственного, муниципального управления.

Брянский природоохранный прокурор в интересах неопределенного круга лиц обратился в суд в порядке главы 25 ГПК РФ с заявлением о признании незаконным бездействия, возложении обязанности на Управление имущественных отношений Брянской области поставить на кадастровый учет земельные участки, на которых расположены леса г. Брянска, на Брянскую городскую администрацию – оформить право собственности на указанные земельные участки, организовать муниципальный контроль в отношении лесных участков, разработать и утвердить в установленном порядке лесохозяйственный регламент городского лесничества. В обоснование заявленных требований прокурор сослался на то, что в результате проведенной прокуратурой проверки установлено, что на территории четырех городских районов г. Брянска расположены городские леса общей площадью 1043 га. Право собственности на лесные участки, расположенные на территории города, не оформлено, муниципальный контроль и надзор в отношении городских лесов органами местного самоуправления г. Брянска не организован.

Решением Советского районного суда г. Брянска от 26 июня 2009 г. заявление прокурора было удовлетворено.

Определением Советского районного суда г. Брянска от 12 декабря 2011 г. решение Советского районного суда г. Брянска от 26 июня 2009 г. отменено по вновь открывшимся обстоятельствам.

Решением Советского районного суда г. Брянска от 17 мая 2012 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Брянского областного суда от 21 августа 2012 г., заявление Брянского природоохранного прокурора оставлено без удовлетворения.

Определением судьи Брянского областного суда от 21 января 2013 г. отказано в передаче кассационного представления прокурора Брянской области для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел данное дело по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Кехлерова С.Г. на решение Советского районного суда г. Брянска от 17 мая 2012 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Брянского областного суда от 21 августа 2012 г. Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационном представлении, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации установила следующее.

Отказывая прокурору в удовлетворении заявления при повторном рассмотрении дела, суд первой инстанции исходил из того, что все имеющиеся в г. Брянске леса поставлены на кадастровый учет и предоставлены Управлением имущественных отношений Брянской области в безвозмездное срочное пользование Брянской городской администрации, а на земельных участках, указанных прокурором в заявлении, городские леса отсутствуют.

Суд апелляционной инстанции, не согласившись с такими выводами суда первой инстанции, указал, что районным судом неправильно определены юридически значимые обстоятельства по делу и данные выводы подлежат исключению из решения суда, как недоказанные.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции оставил решение районного суда без изменения, поскольку пришел к выводу о том, что прокурором в данном деле избран неверный способ защиты прав неопределенного круга лиц. Он просит о вмешательстве судебной власти в деятельность органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органа местного самоуправления, что недопустимо в силу действия конституционного принципа разделения

властей и принципа самостоятельности органов местного самоуправления.

Таким образом, суд пришел к выводу о том, что возложение на орган местного самоуправления (орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации) обязанности совершить те или иные действия не входит в его полномочия.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации с данным выводом суда не согласилась, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Заявление Брянским природоохранным прокурором подано в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (жителей г. Брянска), в рамках полномочий, предоставленных ему федеральным законом.

В заявлении, которое было подано в порядке главы 25 ГПК РФ, оспаривалось бездействие Брянской городской администрации и Управления имущественных отношений Брянской области. Неисполнение указанными органами возложенных на них законом обязанностей создавало угрозу нарушения прав жителей г. Брянска на благоприятную окружающую среду.

На основании п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор вправе обратиться в суд с заявлением, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства, когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение.

Требования прокурора не ущемляют самостоятельность органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения, а также самостоятельность органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, направлены на понуждение в судебном порядке исполнить возложенные на них законом обязанности, поэтому не могут расцениваться как вмешательство в их компетенцию в области государственного и муниципального управления.

Вывод суда о том, что прокурором избран неверный способ защиты прав неопределенного круга лиц, сделан с существенным нарушением требований процессуального законодательства.

Обжалуемые судебные постановления Судебная коллегия отменила как незаконные.

Определение № 83-КГПР13-8

4. Ограничение нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации размера жилых помещений, предоставляемых гражданам в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2010 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан», является незаконным.

Постановлением губернатора Владимирской области от 4 апреля 2011 г. № 279 утверждён Порядок предоставления гражданам, обеспечиваемым жилыми помещениями в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2010 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан», помещений в собственность бесплатно или по договору социального найма и предоставления им единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения (далее – Порядок).

Жилые помещения в силу п. 3 Порядка предоставляются гражданам по нормам предоставления, установленным в соответствии с пп. 1–4 ст. 15¹ Федерального закона от 8 декабря 2010 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и об обеспечении жилыми помещениями некоторых категорий граждан».

Согласно подп. «а», «б» и «в» п. 4 Порядка предоставление жилых помещений или единовременных денежных выплат на приобретение или строительство жилого помещения по нормам, указанным в п. 3 Порядка, осуществляется в случае, если:

граждане не имеют жилых помещений для постоянного проживания;

гражданами, проживающими на основании договора социального найма в жилых помещениях, находящихся в государственной или муниципальной собственности, принимается обязательство о расторжении указанного договора и об освобождении занимаемого жилого помещения;

гражданами, проживающими в жилых помещениях, принадлежащих на праве собственности им или членам их семей и не имеющих обременений, принимается обязательство о безвозмездном

отчуждении этого жилого помещения в государственную собственность или муниципальную собственность.

Пунктом 5 Порядка установлено, что в случае отчуждения гражданином жилого помещения, принадлежащего на праве собственности ему или членам его семьи (за исключением случая, указанного в подп. «в» п. 4 Порядка), или принятия решения не отчуждать жилое помещение, принадлежащее на праве собственности, или принятия решения не освобождать занимаемое по договору социального найма жилое помещение жилое помещение предоставляется гражданину по нормам, указанным в п. 3 Порядка, за вычетом общей площади отчужденного жилого помещения или общей площади жилого помещения, оставленного для дальнейшего проживания. При этом предоставление жилого помещения гражданину осуществляется только в случае, если определенный таким образом размер общей площади жилого помещения, которое предполагается предоставить, составляет не менее 36 кв. метров.

В остальных случаях предоставление жилого помещения гражданину возможно при выполнении им условий, предусмотренных подп. «б» и «в» п. 4 Порядка.

В соответствии с подп. 6 п. 8 Порядка для включения в список граждане представляют в орган местного самоуправления, осуществляющий полномочия по обеспечению жильем указанной категории граждан, заявление по форме согласно приложению № 2 к Порядку. Одновременно с заявлением представляется обязательство о сдаче или безвозмездном отчуждении занимаемого жилого помещения (в двух экземплярах) по форме согласно приложению № 3 к Порядку – в случаях, указанных в подп. «б» и «в» п. 5 Порядка. При этом каждая страница обязательства подписывается уполномоченным должностным лицом органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации (главой органа местного самоуправления, командиром воинского подразделения) и гражданином.

В случае, если гражданином не представлены или представлены не все документы, указанные в п. 8 Порядка, во включении в список ему отказывается, о чем он письменно уведомляется с указанием мотивов принятого решения и возвратом представленных документов (если таковые были частично представлены) (п. 9 Порядка).

По результатам рассмотрения представленных документов органом местного самоуправления в течение 30 дней с даты представления документов принимается решение о включении гражданина в список граждан, имеющих право на обеспечение жилыми

помещениями за счет средств федерального бюджета, либо об отказе в этом (п. 10 Порядка).

П., уволенный в сентябре 1993 года с военной службы по состоянию здоровья и имеющий на момент увольнения выслугу 18 лет в календарном исчислении и 21 год 6 месяцев в льготном исчислении, обратился в суд с заявлением о признании недействующими со дня принятия подп. «в» п. 4, п. 5, подп. 6 п. 8, пп. 9 и 10 Порядка в части требования от граждан, уволенных с военной службы и имеющих право на обеспечение жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета, принятия обязательства по безвозмездному отчуждению принадлежащего им на праве собственности жилого помещения в государственную или муниципальную собственность, ссылаясь на то, что они противоречат федеральному законодательству.

По мнению заявителя, обеспечение жильём граждан, уволенных с военной службы и имеющих право на обеспечение жилыми помещениями за счёт средств федерального бюджета, является обязанностью государства, исполнение которой не может быть поставлено в зависимость от освобождения жилого помещения, принадлежащего гражданину на праве собственности.

Решением Владимирского областного суда от 27 августа 2013 г. в удовлетворении заявления П. отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, проверив материалы дела по апелляционной жалобе П., не согласилась с выводами суда о законности оспариваемых положений пп. 5, 8 и 9 Порядка.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими. Граждане свободны в установлении и реализации своих жилищных прав в силу договора и (или) иных предусмотренных жилищным законодательством оснований. Граждане, осуществляя жилищные права и исполняя вытекающие из жилищных отношений обязанности, не должны нарушать права, свободы и законные интересы других граждан.

Жилищные права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть третья этой же статьи).

Граждане, законно находящиеся на территории Российской Федерации, имеют право свободного выбора жилых помещений для проживания в качестве собственников, нанимателей или на иных основаниях, предусмотренных законодательством. Ограничение права граждан на свободу выбора жилых помещений для проживания допускается только на основании Кодекса, другого федерального закона (чч. 4 и 5 ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Из п. 5 оспариваемого Порядка следует, что если гражданин принимает решение не отчуждать жилое помещение, принадлежащее ему на праве собственности, площадь жилого помещения, которое должно быть ему предоставлено, определяется за вычетом общей площади жилого помещения, оставленного для дальнейшего проживания. Жилое помещение гражданину предоставляется только в случае, если его общая площадь, определенная указанным способом, составляет не менее 36 кв. метров.

Таким образом, реализация гражданином, принявшим решение не отчуждать жилое помещение, права на обеспечение жильем в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» поставлена в зависимость от размера жилого помещения, которое предполагается предоставить.

Между тем федеральное законодательство подобного ограничения не содержит.

Изложенные в решении выводы суда о том, что оспариваемые заявителем положения не содержат ограничений, поскольку не отменяют и не изменяют прав заявителя на предоставление ему жилого помещения, не соответствуют установленным судом обстоятельствам дела. Как следует из материалов дела, именно из-за того, что площадь жилого помещения, которое предполагалось предоставить П., составила менее 36 кв. метров, а обязательство об отчуждении жилого помещения не было принято, в предоставлении жилья ему было отказано.

Доводы представителя администрации Владимирской области о том, что установление подобного ограничения обусловлено отсутствием возможности предоставления жилого помещения менее 36 кв. метров, Судебная коллегия признала необоснованными.

В соответствии с пп. 5.1 и 5.2 СНиП 31-01-2003 «Здания жилые многоквартирные», принятых и введенных в действие постановлением Госстроя Российской Федерации от 23 июня 2003 г. № 109, квартиры в жилых зданиях следует проектировать исходя из условий заселения их одной семьей. В зданиях государственного и муниципального жилищных фондов рекомендуемая площадь данных квартир составляет 28–38 кв. метров. Следовательно, не исключается возможность

предоставления гражданам жилых помещений площадью менее размера, установленного оспариваемым Порядком. К тому же из материалов дела усматривается, что П. ранее занимал однокомнатную квартиру общей площадью 30,6 кв. метров.

Судебная коллегия пришла к выводу, что при таких обстоятельствах положения п. 5 Порядка в части установления ограничения размера жилого помещения, которое предполагается предоставить, не могут быть признаны соответствующими закону.

По тем же мотивам оспариваемые заявителем подп. 6 п. 8 и п. 9 Порядка являются незаконными в той мере, в какой допускается их истолкование и применение, при котором гражданину, принявшему решение не отчуждать находящееся в его собственности или членов его семьи жилое помещение, может быть отказано во включении в список на обеспечение жилым помещением.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации определила решение Владимирского областного суда от 27 августа 2013 года в части отказа в признании недействующими п. 5 в части слов «не менее 36 кв. метров», а также подп. 6 п. 8 и п. 9 Порядка отменить.

Определение 86-АПГ13-13

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос 1. Распространяется ли Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» на правоотношения, возникающие между физическим лицом, являющимся вкладчиком банка, и Агентством по страхованию вкладов?

Ответ. В соответствии со ст. 1 и 14 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (далее – Закон о страховании вкладов) Агентство по страхованию вкладов создано государством для обеспечения государственной гарантии защиты прав вкладчиков при наступлении страховых случаев.

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг).

В силу положений п. 3 ст. 5 Закона о страховании вкладов обязательное страхование вкладов осуществляется в силу закона и не требует заключения договора страхования.

При этом действие Закона о страховании вкладов не распространяется на иные способы страхования вкладов физических лиц для обеспечения их возврата и выплаты процентов по ним (п. 3 ст. 1 Закона о страховании вкладов).

Кроме того, деятельность Агентства по страхованию вкладов по осуществлению компенсационных выплат не является оказанием возмездных услуг.

На основании изложенного на правоотношения, возникающие между физическим лицом, являющимся вкладчиком банка, и Агентством по страхованию вкладов, Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» не распространяется.

Вопрос 2. Вправе ли судья признать малозначительным административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, выразившееся в нарушении лицом установленного законодательством об образовании порядка проведения государственной итоговой аттестации, и освободить лицо, совершившее данное административное правонарушение, от

административной ответственности, ограничившись устным замечанием?

Ответ. Согласно ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершённого административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Статья 2.9 КоАП РФ является общей нормой, не содержащей каких-либо ограничений применительно к конкретным составам административных правонарушений. Следовательно, она может быть применена в отношении любого предусмотренного КоАП РФ состава административного правонарушения (как материального, так и формального), совершённого гражданами, должностными и юридическими лицами, а также лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 21 постановления от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учётом характера совершённого правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений.

Согласно положениям ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ **умышленное** искажение результатов государственной итоговой аттестации и предусмотренных законодательством об образовании олимпиад школьников, **а равно** нарушение установленного законодательством об образовании порядка проведения государственной итоговой аттестации, допущенное гражданами, должностными и юридическими лицами, признаётся административным правонарушением.

С объективной стороны это административное правонарушение, в частности, выражается в нарушении установленного законодательством об образовании порядка проведения государственной итоговой аттестации (далее – ГИА).

Порядок проведения ГИА по образовательным программам среднего общего образования утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1400

(далее – Порядок). В нём подробно регламентированы вопросы, связанные с проведением указанной аттестации, в том числе определены права и обязанности лиц, привлекаемых к проведению ГИА, а также участников ГИА.

Например, в п. 45 данного Порядка на обучающихся и выпускников прошлых лет (участников ГИА) возложена обязанность соблюдать порядок проведения государственной итоговой аттестации. Указанные лица, в частности, не вправе общаться друг с другом, свободно перемещаться по аудитории, иметь при себе средства связи, электронно-вычислительную технику, фото-, аудио- и видеоаппаратуру, иные средства хранения и передачи информации, а также справочные материалы, письменные заметки.

В свою очередь, на организаторов пунктов проведения экзаменов возложена обязанность по обеспечению установленного порядка проведения ГИА в аудиториях и по осуществлению контроля за проведением указанной аттестации. Кроме того, руководителям и организаторам пунктов проведения экзаменов, членам государственной экзаменационной комиссии, руководителям общеобразовательных организаций, в помещениях которых организованы пункты проведения экзаменов, и другим лицам, привлекаемым к проведению ГИА, указанным в п. 40 Порядка, запрещается оказывать содействие участникам ГИА, в том числе передавать им средства связи, электронно-вычислительную технику, фото-, аудио- и видеоаппаратуру, справочные материалы и т.п.

Таким образом, субъектами административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, выразившегося в нарушении установленного законодательством об образовании порядка проведения ГИА, являются участники ГИА, руководители, организаторы пунктов проведения экзаменов, другие лица, привлекаемые к проведению ГИА, и общеобразовательные организации.

Из анализа диспозиции ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ следует, что субъективная сторона этого административного правонарушения характеризуется наличием вины в форме умысла.

При решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) указанных выше лиц состава данного административного правонарушения судье необходимо исследовать все обстоятельства, связанные с совершением конкретного нарушения порядка проведения ГИА, характер совершённого нарушения, установить вину лица, его допустившего, а также оценить последствия этого нарушения для охраняемых общественных отношений в сфере образования.

Если по результатам рассмотрения дела будет установлено, что формально действия (бездействие) лица содержат признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 19.30 КоАП РФ, но с учётом характера совершённого правонарушения и роли правонарушителя не представляют существенного нарушения охраняемых общественных отношений в сфере образования, то судья вправе признать это административное правонарушение малозначительным.

В постановлении о прекращении производства по такому делу должны быть отражены мотивы, по которым административное правонарушение признано малозначительным, с приведением исследованных в процессе рассмотрения дела доказательств, оценка которых позволила прийти к выводу о возможности освободить лицо от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

При этом следует иметь в виду, что в соответствии с названным выше разъяснением Пленума такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения. Они в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания.

Вопрос 3. Как определяется территориальная подсудность рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 14.1² КоАП РФ, возбуждённых в отношении авиакомпаний по фактам задержки рейсов ввиду отсутствия у таких авиакомпаний достаточного количества резервных судов?

Ответ. В соответствии с ч. 3 ст. 14.1² КоАП РФ осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта, за исключением автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта, с нарушением условий, предусмотренных лицензией, влечёт предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц и индивидуальных предпринимателей в размере 20 000 рублей; на юридических лиц – 100 000 рублей.

Статьёй 9 Воздушного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что отдельные виды деятельности в области авиации могут осуществляться юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями на основании лицензий, выданных в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Согласно подп. «б», «в» п. 4 Положения о лицензировании деятельности по перевозкам воздушным транспортом пассажиров (за исключением случая, когда указанная деятельность осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя), утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2012 г. № 457, лицензионными требованиями, предъявляемыми к соискателю лицензии (лицензиату) для осуществления деятельности по перевозкам воздушным транспортом пассажиров, являются:

- наличие у лицензиата на праве собственности или ином законном основании воздушных судов с действующим сертификатом лётной годности в количестве, достаточном **(с учётом резервирования)** для выполнения перевозок воздушным транспортом пассажиров в соответствии с формируемым лицензиатом расписанием регулярных перевозок воздушным транспортом пассажиров и (или) программой выполнения нерегулярных (чартерных) перевозок воздушным транспортом пассажиров;

- соблюдение лицензиатом общих правил перевозок воздушным транспортом пассажиров и требований к обслуживанию пассажиров, устанавливаемых федеральными авиационными правилами в соответствии со ст. 102 Воздушного кодекса Российской Федерации.

Общими правилами воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требованиями к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей, утверждёнными приказом Минтранса России от 28 июня 2007 г. № 82 (далее – Правила № 82), предусмотрено, что регулярные рейсы выполняются в соответствии с расписанием движения воздушных судов, сформированным перевозчиком и опубликованным в компьютерном банке данных расписания движения воздушных судов (п. 72). Опубликованное расписание движения воздушных судов должно отражать информацию по каждому регулярному рейсу, в том числе тип(ы) воздушного судна (п. 73).

Согласно п. 8 Федеральных авиационных правил «Сертификационные требования к физическим лицам, юридическим лицам, осуществляющим коммерческие воздушные перевозки. Процедуры сертификации», утверждённых приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 4 февраля 2003 г. № 11, заявитель (эксплуатант) для выполнения регулярных коммерческих воздушных перевозок пассажиров и планируемой программы полётов должен располагать воздушными судами в количестве, определяемом графиком оборота воздушных судов **с учётом их резервирования**, но не менее:

трех, с количеством пассажирских мест до 55;

восемью, с количеством пассажирских мест 55 и более.

Заявитель (эксплуатант) для выполнения нерегулярных (чартерных) воздушных перевозок пассажиров и планируемой программы полётов на воздушных судах с количеством пассажирских мест более 20 должен располагать воздушными судами в количестве, определяемом графиком оборота воздушных судов с учётом их резервирования, но не менее трёх.

Из указанных норм следует, что на авиаперевозчике лежит обязанность по формированию расписания (графика оборота судов) регулярных перевозок воздушным транспортом пассажиров и (или) программы выполнения нерегулярных (чартерных) перевозок воздушным транспортом пассажиров с учётом резервирования воздушных судов, находящихся в парке авиаперевозчика.

Таким образом, нарушение авиаперевозчиком лицензионных требований и условий осуществления деятельности, связанной с перевозками пассажиров воздушным транспортом, выразившееся в невыполнении положений действующего законодательства о необходимости резервирования достаточного количества воздушных судов, послужившее причиной задержки рейсов, образуют объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.1² КоАП РФ.

Анализ объективной стороны данного административного правонарушения свидетельствует о том, что оно совершается в форме бездействия.

В связи с этим при определении территориальной подсудности рассмотрения дел данной категории необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в подп. «з» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5, согласно которым территориальная подсудность дел об административных правонарушениях, объективная сторона которых выражается в бездействии в виде неисполнения установленной правовым актом обязанности, должна определяться местом жительства физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, местом исполнения должностным лицом своих обязанностей либо местом нахождения юридического лица, определяемого в соответствии со ст. 54 ГК РФ.

В силу ч. 2 ст. 54 ГК РФ место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации, осуществляемой по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа – иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности.

С учётом изложенного территориальная подсудность рассмотрения данной категории дел должна определяться местом нахождения юридического лица, не выполнившего соответствующие лицензионные требования, то есть местом его государственной регистрации. Аэропорт, в котором произошла задержка рейсов, в рассматриваемой ситуации является местом наступления последствий совершённого правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.1² КоАП РФ.

Вопрос 4. Распространяются ли положения ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ на лиц, подвергнутых административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами до 1 сентября 2013 г.?

Ответ. В соответствии с подп. «в» п. 53 ст. 1 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» ст. 32.6 КоАП РФ, регламентирующая порядок исполнения постановления о лишении специального права, была дополнена ч. 4.1, вступившей в законную силу с 1 сентября 2013 г.

Данной нормой введено новое правило, согласно которому водительское удостоверение, изъятое у лица, подвергнутого административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами, может быть возвращено ему только после проверки знания Правил дорожного движения.

До 1 сентября 2013 г. водительское удостоверение подлежало возврату указанному лицу после окончания срока лишения права управления транспортными средствами без каких-либо дополнительных условий.

Таким образом, положениями ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ с 1 сентября 2013 г. фактически усилен порядок исполнения постановления о лишении права управления транспортными средствами, поскольку данная норма возлагает на подвергнутое административному наказанию лицо дополнительную обязанность в виде прохождения процедуры проверки знаний ПДД. В связи с этим при применении указанной нормы следует учитывать положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, запрещающей применение обратной силы закона не только в случае, когда такой закон устанавливает или отягчает административную ответственность за административное правонарушение, но и когда вновь введёнными нормами иным образом ухудшается положение лица, совершившего административное правонарушение.

С учётом изложенного и того, что в силу ч. 1 ст. 1.7 КоАП РФ лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения, положения ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ к лицам, подвергнутым административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами до 1 сентября 2013 г., не применяются.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

По гражданским делам

1. Для вывода о нарушении военнослужащим обязательств, связанных с защитой государственной тайны, достаточно самого факта совершения им действий, в результате которых нарушен порядок работы с соответствующими сведениями и создана угроза разглашения государственной тайны.

Тихоокеанский флотский военный суд 13 сентября 2013 г. отказал старшему лейтенанту П. в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными действия командира воинской части, связанные с лишением его допуска к государственной тайне и освобождением от занимаемой должности.

В апелляционной жалобе П. просил решение суда отменить и принять по делу новое решение об удовлетворении заявления в указанной части, поскольку размещение в его личном ноутбуке сведений, составляющих государственную тайну, иными лицами, которые пользовались компьютером, в отсутствие его осведомлённости об этом не может свидетельствовать о нарушении им обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе П., Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации решение Тихоокеанского флотского военного суда оставила без изменения, а его апелляционную жалобу без удовлетворения по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 23 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращён по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в случае однократного нарушения им предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Согласно подп. «б» п. 14 Инструкции о порядке допуска к государственной тайне военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооружённых Сил Российской Федерации и граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе и поступающих на военную службу по контракту либо подлежащих призыву на военную службу (в том числе по мобилизации), на военные сборы, а также граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе и подлежащих призыву для прохождения военной службы, которым требуется допуск к

государственной тайне для исполнения служебных обязанностей, допуск лица к государственной тайне может быть прекращён должностным лицом, имеющим право принимать решение о его допуске к государственной тайне, в случае однократного нарушения им обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

В соответствии с Инструкцией по обеспечению режима секретности в Российской Федерации лицам, допущенным к сведениям, составляющим государственную тайну, запрещается выполнять секретные работы на дому и вне установленных рабочих мест, производить выписки, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, на неучтённых машинных носителях информации, снимать с носителей копии сведений, составляющих государственную тайну, с нарушением порядка, установленного названной инструкцией.

Согласно Руководству по защите информации от несанкционированного доступа в Вооружённых Силах Российской Федерации запрещено хранить секретную информацию на неучтённых машинных носителях информации.

Исходя из совокупности приведённых норм права для вывода о нарушении военнослужащим обязательств, связанных с защитой государственной тайны, достаточно самого факта совершения им действий, в результате которых нарушен порядок работы с соответствующими сведениями и создана угроза разглашения государственной тайны. При этом законность получения такой информации и владения ею, а также источники её появления у лица, допущенного к государственной тайне, при разрешении вопроса о возможности сохранения соответствующего допуска правового значения не имеют.

Судом первой инстанции достоверно установлено, что на личном компьютере П. в течение длительного времени в нарушение установленного порядка хранились сведения, составляющие государственную тайну, и при этом были созданы условия для доступа к ним посторонних лиц. Ноутбук, в частности, передавался в пользование различным лицам, в том числе не имеющим допуска к государственной тайне, подключался к Интернету и иным сетям, что объективно могло повлечь разглашение государственной тайны.

П. не отрицал, что собирал и хранил в ноутбуке различную информацию служебного характера. Обнаруженные в компьютере заявителя сведения, в том числе секретные, относились к его профессиональной деятельности. Постоянно работая с компьютером и используя в служебных целях накопленную в нём информацию, П. не

мог не знать о его содержимом и не понимать секретный характер ряда скопированных документов.

Исходя из изложенного Военная коллегия признала вывод суда о нарушении П. правил обращения со сведениями, составляющими государственную тайну, обоснованным.

Апелляционное определение № 211-АПГ13-1

2. Отменяя приказ о предупреждении заявителя о неполном служебном соответствии ввиду его несоответствия тяжести совершённого проступка и степени вины военнослужащего, суд оставил без внимания, что командир при его издании учёл все обстоятельства, которые в силу закона надлежит учитывать, в связи с чем применение данного вида взыскания не может быть признано незаконным.

Ленинградский окружной военный суд 17 января 2013 г. отменил в апелляционном порядке решение Петрозаводского гарнизонного военного суда от 5 июля 2012 г. об отказе И. в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным приказ командира части от 3 апреля 2012 г. о предупреждении его о неполном служебном соответствии за неисполнение обязанностей должностного регламента, выразившееся в неподготовке документов к увольнению сержанта К. в запас, и принял новое решение о признании оспариваемого приказа незаконным.

Удовлетворяя заявление И., окружной военный суд указал, что материалами дела не подтверждено соблюдение командиром процедуры привлечения заявителя к дисциплинарной ответственности, а объявленное ему взыскание явно не соответствует тяжести совершённого им проступка, данным о его личности и наступившим последствиям.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица просил апелляционное определение отменить и оставить в силе решение суда первой инстанции, указав в обоснование жалобы, что при назначении взыскания по результатам разбирательства командир учёл все предусмотренные законом и Дисциплинарным уставом обстоятельства, в том числе привлечение заявителя ранее к дисциплинарной ответственности, после чего в пределах предоставленных ему полномочий предупредил И. о неполном служебном соответствии.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Военная коллегия жалобу удовлетворила по следующим основаниям.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, выразившиеся в следующем.

Согласно п. 1 ст. 28⁵ Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» при назначении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность.

При этом в соответствии со ст. 52 Дисциплинарного устава Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, при совершении военнослужащим дисциплинарного проступка командир (начальник) должен учитывать, что применяемое взыскание как мера укрепления воинской дисциплины и воспитания военнослужащих должно соответствовать тяжести совершённого проступка и степени вины, установленным командиром (начальником) в результате проведённого разбирательства.

Из материалов дела следует, что основанием для предупреждения И. о неполном служебном соответствии явилось неисполнение им должностных обязанностей, выразившееся в том, что в нарушение должностного регламента заявитель не подготовил и не направил по команде документы к досрочному увольнению с военной службы военнослужащего К.

Принятию решения о привлечении заявителя к дисциплинарной ответственности предшествовало разбирательство, в ходе которого было установлено, что И., ранее проходивший военную службу в кадровых органах, 1 июля 2011 г. был назначен на должность офицера отделения комплектования отдела кадров воинской части, в обязанность которого входило оформление документов по назначению,

перемещению, увольнению военнослужащих аппарата воинской части и её отделений в г. Лахденпохья и пос. Хийтола.

28 ноября 2011 г. на заседании аттестационной комиссии, обязанности секретаря которой исполнял заявитель, было принято решение о необходимости увольнения в связи с невыполнением условий контракта сержанта К., проходившего военную службу в отделении службы в г. Лахденпохья.

Однако И. в нарушение должностного регламента документы к увольнению К. не оформлял вплоть до 21 марта 2012 г., пока об этом не стало известно вышестоящему командованию.

В ходе разбирательства было установлено, что причиной неисполнения заявителем должностных обязанностей явилась личная недисциплинированность. Обстоятельств, смягчающих его дисциплинарную ответственность, установлено не было.

Кроме того, на момент принятия решения И. имел два неснятых дисциплинарных взыскания: выговор, объявленный 13 октября 2011 г. за некачественную подготовку документов, и строгий выговор, объявленный 20 марта 2012 г. за нарушение сроков подготовки и направления документов для принятия решения о дальнейшем прохождении военной службы военнослужащими, то есть за такие же дисциплинарные проступки.

Согласно п. 4 ст. 28⁵ Федерального закона «О статусе военнослужащих» данное обстоятельство признаётся отягчающим дисциплинарную ответственность.

Из изложенного следует, что при применении к И. дисциплинарного взыскания командир, как это предусмотрено законом, учёл характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, личность заявителя, отсутствие обстоятельств, смягчающих дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность.

Поскольку И. после назначения на должность в нарушение должностных обязанностей трижды совершил дисциплинарные проступки, связанные с ненадлежащим оформлением и нарушением сроков подготовки кадровых документов, командир вправе был считать, что заявитель не в полной мере соответствует занимаемой должности.

При таких данных вывод суда апелляционной инстанции о явном несоответствии применённого к И. взыскания тяжести совершённого им

проступка основан на неправильном толковании закона и противоречит установленным в суде обстоятельствам.

Вопреки утверждению суда апелляционной инстанции порядок привлечения заявителя к дисциплинарной ответственности был соблюден.

После нарушения И. должностного регламента в соответствии с положениями ст. 28⁸, 28⁹ Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 80-89 Дисциплинарного устава Вооружённых Сил Российской Федерации было проведено разбирательство, в ходе которого комиссией воинской части дана оценка характеру дисциплинарного проступка, обстоятельствам и последствиям его совершения, форме вины, личности заявителя, установлено отсутствие обстоятельств, смягчающих дисциплинарную ответственность, и наличие обстоятельств, отягчающих дисциплинарную ответственность.

По результатам разбирательства командиру воинской части рекомендовано предупредить И. о неполном служебном соответствии.

Командир воинской части обладает полномочиями по применению к заявителю данного вида взыскания, а само взыскание применено в установленные сроки.

Таким образом, суд первой инстанции, признавая законным приказ от 3 апреля 2012 г. о предупреждении И. о неполном служебном соответствии, пришёл к правильному выводу о соответствии взыскания тяжести совершённого заявителем проступка и о соблюдении процедуры привлечения его к дисциплинарной ответственности, а вывод суда апелляционной инстанции об обратном не основан на законе.

На основании изложенного Военная коллегия отменила апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 17 января 2013 г. по заявлению И. и оставила в силе решение Петрозаводского гарнизонного военного суда от 5 июля 2012 г.

Определение № 202-КГ14-4

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 31–33). Согласно п. "b" ч. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении уголовных, гражданских дел, а также дел об административных правонарушениях учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

Комитет ООН против пыток¹

Сообщение: *Олег Евлов против Казахстана*. Сообщение № 441/2010. Решение принято Комитетом 5 ноября 2013 года.

Тема сообщения: непроведение оперативного и беспристрастного расследования утверждений о пытках, непривлечение к ответственности виновных, непредоставление полного и адекватного возмещения, принуждение к даче признательных показаний.

¹ Комитет ООН против пыток (далее – Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством – участником положений Конвенции.

Вопрос существа: пытки; причинение сильной боли или страдания; эффективные меры по предупреждению пыток; право обращения с жалобой к компетентным властям и на ее быстрое и беспристрастное рассмотрение такими властями; право на справедливую и адекватную компенсацию; признательные показания, полученные под принуждением.

Правовые позиции Комитета: Комитет указывает, что само по себе расследование не является достаточным для того, чтобы продемонстрировать соблюдение государством-участником согласно статье 12 Конвенции, если может быть показано, что это расследование не было беспристрастным² (пункт 9.4 Решения).

Комитет напоминает, что статья 12 Конвенции ... требует, чтобы расследование было быстрым и беспристрастным, при этом быстрота имеет важное значение, поскольку это позволяет прекратить применение к жертве таких действий, а также поскольку, за исключением случаев причинения долговременных или тяжких повреждений вследствие применения вышеупомянутых методов, физические следы пыток, и прежде всего жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как правило, исчезают через короткое время³ (пункт 9.5 Решения).

Комитет напоминает в связи с этим, что статья 14 Конвенции признает не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечивать, чтобы жертва пыток получала соответствующее возмещение. Возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, способные гарантировать невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела. Комитет считает, что, несмотря на преимущества, которые предоставляет уголовное расследование для жертвы с точки зрения доказывания, гражданское разбирательство и требование жертвы о возмещении не должны зависеть от исхода уголовного разбирательства. Он считает, что выплату компенсации не следует откладывать до установления уголовной ответственности. Гражданское разбирательство должно быть доступным независимо от уголовного разбирательства, и для такого гражданского судопроизводства следует предусмотреть необходимое законодательство и институты. Если в соответствии с внутренним

² См. сообщение № 257/2004, *Костадин Николов Керемедчиев против Болгарии*, решение, принятое 11 ноября 2008 года, пункт 9.4.

³ Сообщение № 59/1996, *Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*, решение, принятое 14 мая 1998 года, пункт 8.2.

законодательством требуется провести уголовное разбирательство до обращения за гражданской компенсацией, то непроведение уголовного разбирательства или его неоправданная задержка представляет собой невыполнение государством-участником своих обязательств по Конвенции. Комитет подчеркивает, что дисциплинарные или административные средства защиты без доступа к эффективному судебному пересмотру не могут считаться адекватной формой возмещения в контексте статьи 14 (пункт 9.7 Решения).

Комитет отмечает, что широкий смысл запрета в статье 15 Конвенции, запрещающей ссылку на любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, в качестве доказательства "в ходе любого судебного разбирательства", вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, допущенные в качестве доказательства при любом разбирательстве, находящемся в его компетенции, получены с помощью пыток⁴ (пункт 9.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание, что заявитель указал на нарушение статьи 1, рассматриваемой в сочетании с пунктом 1 статьи 2 Конвенции, на том основании, что государство-участник нарушило свои обязательства, касающиеся предотвращения актов пыток и наказания лиц, виновных в их совершении. Эти положения являются применимыми в той мере, в которой действия, совершенные в отношении заявителя, могут рассматриваться в качестве актов пытки по смыслу положений статьи 1 Конвенции⁵. В связи с этим Комитет принимает во внимание представленное заявителем подробное описание обращения, которому он подвергся во время содержания под стражей в полиции, а также содержания заключения судебно-медицинской экспертизы от 10 декабря 2008 года № 3393, в котором зафиксированы телесные повреждения, причиненные ему с целью принудить его признать свою вину в убийстве нескольких лиц, разбое и других преступлениях. Комитет считает, что обращение, описанное заявителем, можно характеризовать как действия, влекущие за собой сильную боль и страдания и сознательно совершенные должностными лицами с целью принуждения к даче признательных показаний. Государство-участник, не оспаривая заключения медицинской экспертизы, отрицает какую-либо причастность должностных лиц к нанесению заявителю телесных

⁴ См., например, сообщение № 219/2002, *Г.К. против Швейцарии*, решение, принятое 7 мая 2003 года, пункт 6.10.

⁵ См. сообщение № 269/2005, *Али бен Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 года, пункт 16.4.

повреждений. Не подлежит сомнению, что заявитель на момент нанесения ему телесных повреждений находился под следствием в помещениях Министерства внутренних дел в Астане. Учитывая эти обстоятельства, следует предположить, что государство-участник несет ответственность за нанесенный заявителю ущерб, если оно не представит убедительного альтернативного объяснения. В данном случае государство-участник такого объяснения не представило и, таким образом, Комитет должен сделать вывод о том, что за нанесенные заявителю телесные повреждения несут ответственность сотрудники следственных органов. На основании представленного заявителем подробного описания фактов жестокого обращения и применения пыток, а также подтверждения его заявлений судебно-медицинской документацией Комитет заключает, что представленные факты свидетельствуют о совершении деяний, представляющих собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции, и государство-участник нарушило свои обязательства, касающиеся предотвращения актов пыток и наказания лиц, виновных в их совершении, в нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 9.2 Решения).

Заявитель ... утверждает, что в нарушение статей 12 и 13 Конвенции не было проведено быстрого, беспристрастного и эффективного расследования его заявлений о применении пыток и виновные лица не были привлечены к ответственности. Комитет отмечает, что, хотя заявитель сообщил об актах пыток на следующий день после случившегося, в ходе допроса 16 декабря 2008 года, а члены его семьи заявляли о жестоком обращении с ним, в частности 21 января 2009 года, доследственная проверка была начата только через шесть месяцев и привела к отказу в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления в действиях сотрудников полиции. Впоследствии, после обращений заявителя с жалобами в национальные суды, его заявления о применении пыток не были приняты во внимание; расследование не было начато, и виновные должностные лица не понесли уголовной ответственности (пункт 9.3 Решения).

Комитет отмечает, что ведение расследования было поручено следователю Управления собственной безопасности Департамента внутренних дел Астаны – по существу, того же учреждения, в котором предположительно применялись пытки. В связи с этим Комитет напоминает о своей обеспокоенности по поводу того, что предварительное рассмотрение жалоб в отношении пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников полиции осуществляется Управлением собственной безопасности, находящимся в той же системе

подчинения, что и регулярные полицейские силы, в связи с чем такое рассмотрение не является беспристрастным⁶ (пункт 9.4 Решения).

Комитет принимает во внимание, что предварительное расследование было начато через шесть месяцев после сообщения 10 декабря 2008 года о фактах пыток. Комитет также отмечает, что согласно информации, содержащейся в постановлении Управления собственной безопасности от 8 июня 2009 года, расследование по жалобе заявителя в основном опиралось на показания полицейских, которые отрицали какую-либо причастность к пыткам; при этом мало значения придавалось согласующимся между собой показаниям заявителя и неоспоренному медицинскому заключению, документально подтверждающему причиненные заявителю телесные повреждения (заключение судебно-медицинской экспертизы № 3393). Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено только 8 июня 2009 года, и виновные не были привлечены к уголовной ответственности, а заявителю не было предоставлено никакого возмещения. Кроме того, Комитет отмечает, что не вызывает сомнений тот факт, что заявитель не был быстро извещен властями, производившими расследование по его жалобам, о том, производилось ли расследование и на какой стадии оно находилось⁷ (пункт 9.5 Решения).

В свете вышеуказанных выводов и на основании рассмотренных им материалов Комитет приходит к заключению о том, что государство-участник в нарушение статьи 12 Конвенции не выполнило свое обязательство производить быстрое и беспристрастное расследование утверждений заявителя о применении пыток. Комитет считает, что государством-участником также не было соблюдено его обязательство по статье 13, связанное с обеспечением заявителю права на предъявление жалобы компетентным властям и быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы (пункт 9.6 Решения).

В отношении предполагаемого нарушения статьи 14 Конвенции Комитет отмечает, что не вызывает сомнения тот факт, что отказ в возбуждении уголовного дела лишил заявителя возможности предъявить гражданский иск с требованием компенсации, поскольку в соответствии с внутренним законодательством право на компенсацию за пытки возникает только после вынесения судом обвинительного приговора виновным должностным лицам по уголовному делу. На основании рассмотренной им информации Комитет приходит к выводу о том, что

⁶ См. CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 24.

⁷ См. сообщение № 207/2002, *Драган Димитриевич против Сербии и Черногории*, решение, принятое 24 ноября 2004 года, пункт 5.4.

государство-участник также нарушило свои обязательства по статье 14 Конвенции⁸ (пункт 9.7 Решения).

Комитет отмечает, что национальные суды не отреагировали должным образом на неоднократные утверждения заявителя о том, что его принуждали к даче письменных признательных показаний с помощью пыток. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не проверило, не были ли заявления, принятые в качестве свидетельства, получены с помощью пыток. В этих обстоятельствах Комитет приходит к заключению о наличии нарушения статьи 15 Конвенции (пункт 9.8 Решения).

Выводы Комитета: Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 1, рассматриваемой в сочетании с пунктом 1 статьи 2, а также статей 12, 13, 14 и 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пункт 10 Решения).

Комитет настоятельно призывает государство-участник произвести надлежащее беспристрастное и независимое расследование, с тем чтобы предать правосудию виновных в обращении с заявителем, предоставить заявителю справедливое и надлежащее возмещение за причиненные ему страдания, включая компенсацию и полную реабилитацию, и предупреждать подобные нарушения в будущем. В соответствии с пунктом 5 правила 118 правил процедуры Комитета государство-участник должно в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения проинформировать Комитет о мерах, принятых им в связи с настоящим решением (пункт 11 Решения).

Сообщение: *М.А.Х. и Ф.Х. против Швейцарии*. Сообщение № 438/2010. Решение принято Комитетом 7 ноября 2013 года.

Тема сообщения: высылка заявителей в Тунис.

Вопрос существа: опасность подвергнуться пыткам по возвращении в страну происхождения.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что государство-участник привлекло его внимание к существующим, по его мнению, фактическим неувязкам в утверждениях заявителей. Комитет также принимает к сведению комментарии заявителей по замечаниям государства-участника. Однако он считает, что эти неувязки не являются препятствием для оценки

⁸ Там же, пункт 5.5.

Комитетом опасности применения к заявителям пыток в случае их высылки в Тунис (пункт 7.4 Решения).

Во-первых, Комитет принимает к сведению довод первого заявителя, что он будет под угрозой преследования в случае возвращения в Тунис, поскольку он оказывал финансовую помощь семьям политических заключенных и поддерживал партию "Ан-Нахда" в Тунисе до своего прибытия в 2000 году в Швейцарию, где он пытался вступить в контакт с представителем партии "Ан-Нахда". В связи с этим Комитет замечает, что с момента отъезда заявителей из Туниса политический режим в стране изменился. В частности, бывший президент, находившийся у власти с 1987 года, подал в отставку 14 января 2011 года, а партия "Ан-Нахда" в результате парламентских выборов в октябре 2011 года занимает большинство мест в тунисской Учредительной ассамблее. Кроме того, Комитет принимает к сведению незначительный уровень вовлеченности первого заявителя в политическую деятельность в Тунисе и в Швейцарии, а также неувязки в утверждениях заявителей относительно его многократных допросов в отделении полиции и частоте посещений полицией их дома в Тунисе. Он в связи с этим отмечает, что заявители не представили достаточных доказательств в подтверждение утверждения о том, что их арестовывали и допрашивали вследствие участия первого заявителя в политической деятельности, а не просто потому, что они уехали из Туниса в 2000 году. Что касается утверждения заявителей, что они будут арестованы и допрошены после возвращения, с учетом обстоятельств данного дела Комитет напоминает, что существование опасности быть задержанным и допрошенным не является достаточным для того, чтобы сделать вывод о наличии опасности быть подвергнутым пыткам⁹ (пункт 7.5 Решения).

Комитет далее отмечает, что заявители не заявляли властям государства-участника, занимающимся вопросами убежища, или Комитету, что им согласно законодательству Туниса были предъявлены какие-либо обвинения, в частности в связи с политической деятельностью первого заявителя. Он также отмечает, что, кроме повесток, направленных более чем шесть лет десять месяцев назад, аутентичность которых оспаривается государством-участником, они не представили никаких других доказательств, согласно которым тунисские власти разыскивали их после их отъезда из страны, и что им будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность применения

⁹ Сообщение № 57/1996, *П.К.Л. против Канады*, Соображения, принятые 17 ноября 1997 года, пункт 10.5.

пытках или бесчеловечного и унижающего достоинство обращения¹⁰ (пункт 7.6 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток... делает вывод о том, что решение государства-участника о высылке заявителей в Тунис не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Сообщение: *Джамилей Бендиб против Алжира*. Сообщение № 376/2009. Решение принято Комитетом 8 ноября 2013 года.

Тема сообщения: пытки в полицейском участке, приведшие к смерти жертвы.

Вопрос существа: пытки и жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; обязательство государства-участника обеспечить оперативное и беспристрастное расследование дела компетентными органами; право на подачу жалобы; право на возмещение.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 3 (2012 год)¹¹ и напоминает, что статья 14 Конвенции не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязанность обеспечивать, чтобы жертва пытки получила возмещение. Комитет считает, что это возмещение должно охватывать весь ущерб, причиненный жертве, а также, помимо иных мер, восстановление в правах, компенсацию, равно как и соответствующие меры, гарантирующие неповторение нарушений¹² (пункт 6.7 Решения).

Комитет привлекает внимание к содержанию обязательства, возложенного на государства-участники на основании пункта 1 статьи 2, в силу которого они обязаны принимать эффективные меры для предупреждения актов пыток, в частности предоставлять ряд основополагающих гарантий, применяющихся ко всем лишенным свободы лицам¹³ (пункт 6.4 Решения).

¹⁰ Комитет также отмечает, что заявители не утверждали, что члены партии "Ан-Нахда" подвергаются обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

¹¹ *Официальные документы Генеральной Ассамблеи, шестьдесят восьмая сессия, Дополнение № 44 (A/68/44), приложение X, пункты 2 и 6.*

¹² См. *Сахли против Алжира*, пункт 9.7.

¹³ Такие меры включают, в частности, ведение официального реестра содержащихся под стражей лиц, право содержащихся под стражей лиц быть информированными о своих правах, право оперативно получать независимую юридическую помощь, независимую медицинскую помощь и вступать в контакт с родственниками, потребность в наличии беспристрастных судебных механизмов для инспектирования и посещения мест содержания под стражей

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет отмечает, что согласно утверждениям заявителя, то есть 23 декабря 2006 года, через три дня после первого задержания, Мунир Хаммуш был задержан агентами ДРБ¹⁴ и затем отправлен в ТЦЭР¹⁵ Константины – армейскую казарму, где, по словам содержащихся под стражей вместе с ним лиц, он предположительно подвергался пытке. 29 декабря 2006 года должностные лица государства-участника явились в дом Мунира Хаммуша и сообщили семье о его смерти, наступившей в условиях предварительного заключения. Несколько часов спустя тело Мунира Хаммуша было передано семье, которая смогла отметить, что на голове покойного имеется рана, а на руках и ногах гематомы. Согласно утверждению заявителя такие телесные повреждения указывают на то, что преднамеренные повреждения и побои, которые следует характеризовать как причиняющие острую боль и страдание, по-видимому, были нанесены содержавшемуся под стражей Муниру Хаммушу должностными лицами специально с целью получить от него признания, наказать или запугать в связи с его предположительной принадлежностью к идеологии исламизма. Не получив со стороны государства-участника никакого опровержения, Комитет приходит к заключению, что утверждения заявителя должны быть должным образом приняты во внимание и факты, изложенные заявителем, свидетельствуют об актах пытки по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 6.2 Решения).

Заявитель также указывает на пункт 1 статьи 2 Конвенции, в силу которого государство-участник должно было бы принять все "законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией". Она добавляет, что в законодательстве Алжира не содержится никаких положений, запрещающих использование полученных под пыткой признаний или заявлений в качестве доказательств; что законодательством Алжира предусматривается срок предварительного заключения до 12 суток без возможности общения заключенного с одним из членов семьи, независимым адвокатом или независимым врачом и что столь долгий срок предварительного заключения без связи с внешним миром увеличивает опасность применения пыток и жестокого обращения. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях, принятых в мае 2008 года после

и мест лишения свободы и возможность получения доступа к средствам правовой защиты и оспаривания законности содержания под стражей или примененного обращения (замечание общего порядка № 2 (2008 год), пункт 13).

¹⁴ Департамент разведки и безопасности.

¹⁵ Территориальный центр экспертиз и расследований.

рассмотрения третьего периодического доклада государства-участника, в которых он выразил свою озабоченность относительно предусмотренного законом срока предварительного заключения, который фактически может неоднократно продлеваться, а также относительно того, что закон не гарантирует права на пользование услугами адвоката в период предварительного заключения; таким образом, право лица, находящегося в предварительном заключении, на доступ к врачу и общение со своей семьей не всегда соблюдается на практике¹⁶. Эти замечания перекликаются с замечанием общего порядка № 2 (2008 год)... В данном случае Мунир Хаммуш содержался в заключении без связи с внешним миром, без возможности общения с семьей, адвокатом или врачом. По причине явного отсутствия каких-либо механизмов контроля за деятельностью ТЦЭР он подвергался повышенному риску применения актов пытки и, кроме того, был полностью лишен возможности воспользоваться средствами правовой защиты. На этом основании Комитет приходит к заключению о нарушении пункта 1 статьи 2, рассматриваемого совместно со статьей 1 Конвенции (пункт 6.4 Решения).

В отношении статьи 11 Комитет напоминает о вынесенной в его заключительных замечаниях рекомендации государству-участнику, в которой, среди прочего, он призывает его проследить за созданием национального реестра лиц, содержащихся под стражей, и за обеспечением права заключенных на доступ к услугам врача и общение с семьей¹⁷. В свете этой рекомендации и по причине неполучения соответствующей информации от государства-участника Комитет может только отметить, что в данном случае государство-участник не обеспечило выполнение своих обязательств, вытекающих из статьи 11 Конвенции (пункт 6.5 Решения).

В отношении статей 12 и 13 Конвенции Комитет принял к сведению утверждения заявителя, которая, несмотря на полученные ею заявления государства-участника, сомневается в том, что государством-участником было произведено какое-либо расследование, поскольку ни один из свидетелей так и не был заслушан в рамках какой-либо процедуры. Заявитель также указывает, что, не сообщив семье о результатах якобы произведенного расследования, государство-участник воспрепятствовало ей в осуществлении всякой возможности предъявления уголовного иска. Комитет напоминает, что 23 декабря 2006 года Мунир Хаммуш был задержан агентами ДРБ, что семья не получала никаких сведений о нем до 29 декабря 2006 года, когда государственные должностные лица, представившиеся сотрудниками

¹⁶ CAT/C/DZA/CO/3, пункт 5.

¹⁷ CAT/C/DZA/CO/3, пункт 5.

"службы безопасности", явились в ее дом, чтобы сообщить семье о его смерти, заявив, что Мунир Хаммуш "по-видимому, покончил жизнь самоубийством", что в тот же день тело Мунира Хаммуша было передано семье, которая смогла установить, что на теле покойного имелись множественные раны, в частности рана на голове и гематомы на руках и ногах; что семье было отказано в получении протокола вскрытия, которое, по утверждениям служб безопасности и судебных органов государства-участника, якобы было произведено. Семья обратилась к прокурору при суде первой инстанции в Рас-эль-Уэде, затем к прокурору Константины, который поддержал утверждение о самоубийстве покойного, вновь отказав семье в доступе к протоколу якобы произведенного вскрытия. Комитет отмечает, что, несмотря на наличие явных следов пытки и свидетельские показания, согласно которым сотрудники ДРБ подвергали жестоким пыткам Мунира Хаммуша, а также лиц, содержащихся вместе с ним в ТЦЭР Константины, через семь лет после этих событий государством-участником не было произведено никакого расследования, направленного на выяснение фактических обстоятельств, приведших к смерти Мунира Хаммуша в период предварительного заключения. Государство-участник не представило никакой информации, которая могла бы опровергнуть эти факты. Комитет считает, что такой срок до начала расследования по обвинениям в пытке однозначно является недопустимо долгим и явно идет вразрез с обязательствами государства-участника согласно статье 12 Конвенции, которая требует незамедлительного производства беспристрастного расследования в тех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки¹⁸. Комитет также напоминает, что в ходе диалога, начатого с государством-участником в 2008 году, Комитет выразил свою озабоченность в связи с делом Мунира Хаммуша и напомнил, что государство-участник обязано автоматически возбуждать и систематически производить оперативные и беспристрастные расследования во всех случаях, когда существуют веские основания полагать, что был совершен акт пытки, включая случаи смерти лица, содержащегося под стражей. Не исполнив данного обязательства, государство-участник также уклонилось от возложенной на него статьей 13 Конвенции ответственности за обеспечение права заявителя и ее семьи на подачу жалобы, которое предполагает, что органы государственной власти должны надлежащим образом отреагировать на такую жалобу и начать быстрое и беспристрастное расследование (пункт 6.6 Решения).

¹⁸ См., в частности, сообщения № 341/2008, *Сахли против Алжира*, решение, принятое 3 июня 2011 года, пункт 9.6, и № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, решение, принятое 7 ноября 2007 года, пункт 16.7.

В отношении предъявленных заявителем утверждений в нарушение статьи 14 Конвенции следует отметить сделанный ею упор на то, что, лишив семью Мунира Хаммуша возможности возбудить уголовное преследование, государство-участник лишило ее возможности получения компенсации по гражданскому иску, поскольку в соответствии с законодательством Алжира вынесение решения по такому иску гражданским судом откладывается до вынесения окончательного решения по уголовному делу... Принимая во внимание, что, несмотря на существование обстоятельств, убедительно доказывающих, что Мунир Хаммуш умер в период предварительного заключения в результате актов пытки, быстрое и беспристрастное расследование не было проведено, Комитет приходит к заключению, что государство-участник не выполнило также своих обязательств по статье 14 Конвенции (пункт 6.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток... заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статей 1, 2, пункт 1, 11, 12, 13 и 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пункт 7 Решения).

В соответствии с пунктом 5 статьи 118 своих правил процедуры Комитет настоятельно предлагает государству-участнику в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения сообщить ему о мерах, принятых в порядке реагирования на приведенные выше соображения, в том числе о начале беспристрастного расследования указанных событий в целях привлечения к суду лиц, которые могут нести ответственность за то обращение, которому подверглась жертва; выдать копию протокола вскрытия тела жертвы и протоколов предварительного расследования заявителю, которая их запрашивала, как это было обещано Комитету представителем правительства государства-участника в мае 2008 года, и предоставить заявителю полное и эффективное возмещение (пункт 8 Решения).

Сообщение: Р.Д. *против Швейцарии*. Сообщение № 426/2010. Решение принято Комитетом 8 ноября 2013 года.

Тема сообщения: угроза депортации заявителя в Эфиопию.

Вопрос существа: угроза применения пыток после выдачи по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о своем замечании общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, в котором говорится, что "при оценке степени риска

применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений". Хотя риск не обязательно должен отвечать критерию "высокой степени вероятности" (пункт 6), он должен быть личным и реально существующим. В связи с этим в своих предыдущих решениях Комитет определял, что опасность пыток должна быть предсказуемой, реальной и личной¹⁹. Хотя по смыслу своего замечания общего порядка Комитет правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу, он напоминает, что не является судебным или апелляционным органом и обязан в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника²⁰. В связи с этим Комитет отмечает, что различные органы государства-участника провели рассмотрение обстоятельств дела и доказательств, представленных заявителем, и также сообщили свое мнение Комитету (пункт 9.3 Решения).

Комитет ... напоминает, что для целей статьи 3 Конвенции соответствующему лицу должна угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую он или она подлежат возвращению²¹ (пункт 9.7 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет принимает к сведению утверждения заявителя, что ее отец был похищен в 2005 году вследствие его работы в интересах ФОО²² и что ее брат разыскивался эфиопскими властями в силу его предполагаемой связи с ФОО. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя, что один из солдат пытался склонить ее к вступлению в брак в интересах обеспечения безопасности семьи и что представители властей неоднократно посещали дом, где проживала ее семья, и расспрашивали ее о местонахождении брата. Комитет далее принимает к сведению утверждения заявителя относительно ее участия в деятельности ФОО. Он также отмечает позицию государства-участника по данному вопросу, а именно что оно считает деятельность заявителя, связанную с ФОО, не имеющей явно политического характера и не представляющей интереса для эфиопских властей. Комитет отмечает утверждение государства-

¹⁹ См., в частности, решение относительно сообщения № 258/2004, *Дадар против Канады*, принятое 23 ноября 2005 года, и решение относительно сообщения № 226/2003, *Т.А. против Швеции*, принятое 6 мая 2005 года.

²⁰ Замечание общего порядка № 1, пункт 9; решение относительно сообщения № 375/2009, *Т.Д. против Швейцарии*, принятое 26 мая 2011 года, пункт 7.7.

²¹ См., в частности, решение относительно сообщения № 406/2009, *С.М. против Швейцарии*, принятое 23 ноября 2012 года, пункт 7.4; *Х.К. против Швейцарии*, пункт 7.4; *Т.Д. против Швейцарии* пункт 7.9.

²² Фронт освобождения Оромо.

участника о том, что документы, представленные заявителем в подтверждение своего участия в работе ФОО, "не свидетельствуют ни о политической приверженности автора оппозиционному движению, ни об активной антиправительственной деятельности" (пункт 9.4 Решения).

Комитет принимает во внимание замечания государства-участника относительно отсутствия доверия к заявителю. В основе этого недоверия лежат факты, в число которых входит представление противоречивой информации в отношении преследований, которым подвергалась заявитель в Эфиопии, и года ареста ее отца; сомнительной подлинности/достоверности представленных ею подтверждающих заявлений Совета парламентариев Оромо и г-на Шайфиро; и неспособности заявителя представить действительное удостоверение личности или, как альтернатива, приемлемые объяснения ее неспособности представить его (пункт 9.5 Решения).

Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях 2010 года, принятых по первоначальному докладу Эфиопии, в которых он выразил "серьезную обеспокоенность" "многочисленными, непрекращающимися и систематическими утверждениями о рутинном применении пыток" сотрудниками правительственных служб в отношении политических диссидентов и членов оппозиционных партий, студентов, лиц, подозреваемых в террористической деятельности, и предполагаемых сторонников таких воинствующих сепаратистских группировок, как ФОО (САТ/С/ЕТН/СО/1, пункт 10)²³. Комитет далее принимает к сведению утверждения заявителя относительно попыток правительства Эфиопии отслеживать политических противников, проживающих за границей. Комитет отмечает, что государство-участник, выражая несогласие с оценкой масштабов такого наблюдения, признает, что проживающие за границей активные диссиденты рискуют подвергнуться преследованиям по возвращении в Эфиопию. Комитет не располагает информацией о том, что данная ситуация улучшилась после смены руководства страны, происшедшей после смерти премьер-министра Эфиопии Мелеса Зенауи в августе 2012 года (пункт 9.6 Решения).

Комитет считает, что заявитель не предоставила достаточных доказательств в обоснование своего заявления относительно политических или иных обстоятельств, в которых она находится, в частности имеют ли они столь важное значение, что могут сегодня

²³ Комитет отмечал, что такие акты часто совершаются при участии, подстрекательстве или с согласия старших офицеров в полицейских участках, центрах содержания под стражей, федеральных тюрьмах, военных базах, а также в неофициальных или тайных местах содержания под стражей (САТ/С/ЕТН/СО/1, пункт 10).

привлечь к себе интерес эфиопских властей, не представила она и других достоверных доказательств личной опасности подвергнуться пыткам или иному жестокому обращению в случае возвращения в Эфиопию. Комитет считает, что связанная с ФОО деятельность заявителя в Швейцарии не представляется явно политической по своему характеру (сбор средств, организация культурных мероприятий и участие в них, преподавание языка оромо) и что заявитель не обосновала свои утверждения об участии в ярких политических и идеологических мероприятиях, которые по логике вещей должны привлекать такое внимание властей Эфиопии, которое делает ее уязвимой от принудительного и жестокого обращения. Комитет далее отмечает, что заявитель не представила никаких доказательств, подтверждающих ее утверждения о том, что до ее прибытия в Швейцарию она подвергалась преследованиям со стороны эфиопских властей или о том, что власти Эфиопии с тех пор разыскивают ее²⁴. Ни в ходе рассмотрения дела в швейцарских органах по вопросам убежища, ни в своей жалобе, направленной в Комитет, заявитель не утверждала и того, что против нее выдвинуты какие-либо обвинения по внутреннему законодательству²⁵. Комитет обеспокоен многочисленными сообщениями о нарушениях прав человека, в том числе о применении пыток, в Эфиопии²⁶ ... С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу, что представленная заявителем информация в сочетании с малозаметным характером ее политической деятельности в Швейцарии, а также характером и объемом непоследовательностей в ее заявлениях является недостаточной для того, чтобы подтвердить ее заявление о том, что лично ей будет угрожать серьезная опасность подвергнуться пыткам, если в настоящее время она вернется в Эфиопию (пункт 9.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток считает, что депортация заявителя в Эфиопию не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

Сообщение: *Малликатева Сивагнанаратнам против Дании.* Сообщение № 429/2010. Решение принято Комитетом 11 ноября 2013 года.

²⁴ См. решение относительно сообщения № 432/2010, *Х.К. против Швейцарии*, принятое 23 ноября 2012 года, пункт 7.6; *Т.Д. против Швейцарии*, пункт 7.9.

²⁵ *Х.К. против Швейцарии*, пункт 7.4, и *Т.Д. против Швейцарии*, пункт 7.9.

²⁶ Комитет отмечает, что Эфиопия также является государством – участником Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Тема сообщения: высылка заявителя в Шри-Ланку.

Вопросы существа: высылка в другое государство, когда имеются серьезные основания полагать, что ей будет угрожать там применение пыток.

Правовые позиции Комитета: При оценке такой опасности²⁷ Комитет должен учитывать все соответствующие соображения в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. ... Однако Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение вопроса о том, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению; при этом необходимо привести дополнительные основания в подтверждение того, что данному лицу будет угрожать личная опасность²⁸ (пункт 10.3 решения).

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции, в соответствии с которым "при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности", однако он должен быть личным и реальным. В связи с этим в своих предыдущих решениях Комитет указывал, что опасность применения пыток должна быть предсказуемой, реальной и личной. Комитет напоминает, что в соответствии с положениями Замечания общего порядка № 1 он будет в значительной степени опираться на заявления о фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но при этом не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (пункт 10.4 решения).

Комитет ссылается на пункт 5 Замечания общего порядка № 1, в соответствии с которым бремя аргументированного изложения дела лежит на авторе сообщения (пункт 10.6 Решения).

²⁷ Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток по возвращении в Шри-Ланку.

²⁸ См. сообщения № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, решение от 7 ноября 2006 года; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, решение от 15 ноября 2010 года; и № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, решение от 12 ноября 2010 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств: Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственными субъектами, включая вооруженные силы и полицию, которое все еще отмечается во многих частях страны после завершения конфликта в мае 2009 года²⁹ (пункт 10.3 решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что она подвергалась в прошлом пыткам и что государство-участник должно было распорядиться о проведении медицинского освидетельствования для подтверждения или опровержения ее утверждений. Комитет, однако, отмечает, что ответственные органы государства-участника обстоятельно проанализировали все представленные заявителем доказательства, признали их недостаточно достоверными и не сочли медицинское освидетельствование необходимым. Комитет далее отмечает, что даже если он согласится с утверждениями заявителя о том, что в прошлом ее подвергали пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли ей в настоящее время опасность применения пыток в случае возвращения в Шри-Ланку. Отнюдь не обязательно, что по прошествии нескольких лет после предполагаемых событий ей все еще будет угрожать применение пыток в случае возвращения в страну происхождения. Комитет также принимает во внимание утверждение о том, что заявитель подвергнется пыткам в случае возвращения в Шри-Ланку в силу ее предполагаемой принадлежности к организации Тигров освобождения Тамил-Илама. Однако заявитель не убедила Комитет в том, что занимавшиеся рассмотрением ее дела власти государства-участника не произвели должного расследования. Помимо этого, заявитель не представила никаких доказательств того, что власти Шри-Ланки ее разыскивают или в недавнем прошлом пытались выяснить ее местонахождение (пункт 10.5 решения).

Что касается прошлой деятельности заявителя, которой она занималась главным образом в 1999 году, то остается неясным, была ли она настолько важна, чтобы привлечь к себе внимание властей в случае возвращения заявителя в Шри-Ланку в 2010 году. ... По мнению Комитета, заявителю не удалось успешно справиться с этой задачей (пункт 10.6 решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток ... признает, что решение государства-участника вернуть заявителя в Шри-Ланку не является нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 11 решения).

²⁹ См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

Сообщение: *Ю.Г.Х. и другие против Австралии*. Сообщение № 434/2010. Решение принято Комитетом 11 ноября 2013 года.

Тема сообщения: высылка в Китай.

Вопросы существа: угроза пыток по возвращении в страну происхождения; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Основной заявитель утверждает, что в случае возвращения в Китай он будет задержан и подвергнется пыткам за свою религиозную деятельность. Комитет принимает к сведению представление государства-участника о том, что заявитель по данному делу не представил убедительных доказательств и не смог обосновать наличие предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток со стороны властей в случае возвращения в Китай, что его утверждения были рассмотрены компетентными внутренними органами в соответствии с государственным законодательством и что последние не были "убеждены в том, что автор был лицом, по отношению к которому государство-участник несет какие-либо обязательства по его защите в соответствии с Конвенцией о беженцах" либо что ему "будет угрожать опасность причинения вреда по религиозным мотивам в случае возвращения в Китай в настоящее время или в обозримом будущем". Комитет отмечает, что при этом органы государства-участника принимали во внимание общее положение в области прав человека в Китае. Не допуская недооценки озабоченности, которая на законном основании может быть выражена в отношении существующего положения в области прав человека в Китае в части, касающейся свободы религии, органы и суды государства-участника пришли к выводу о том, что положение в этой стране само по себе не является достаточным основанием утверждать, что принудительное возвращение заявителя в страну повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.4 решения).

Комитет независимо от вопроса относительно причастности заявителя к церкви считает, что он не представил достаточных доказательств в обоснование того, что ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам со стороны властей в случае его возвращения в Китай. Он принимает к сведению, что заявитель представил всего лишь копию вызова в суд и ордера на арест, которые были выданы китайскими властями 18 января 2010 года и 1 февраля 2010 года соответственно; однако эти документы не содержат никакой информации относительно причин, по которым они были выданы.

Кроме того, в материалах дела отсутствуют медицинские заключения, подтверждающие утверждения заявителя о том, что он подвергался пыткам во время содержания под стражей. В любом случае Комитет напоминает, что, хотя события прошлого могут иметь определенное значение, основная задача его оценки состоит в установлении того, угрожает ли в настоящее время заявителю опасность применения пыток по его прибытии в Китай³⁰ (пункт 8.5 решения).

Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что высылка заявителей в Китай государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток... считает, что высылка заявителей в Китай государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 10 решения).

Сообщение: *Сатхурусингх Джагатх Дюадж против Австралии.* Сообщение № 387/2009. Решение принято Комитетом 14 ноября 2013 года.

Тема сообщения: угроза депортации заявителя в Шри-Ланку.

Вопрос существа: депортация лица в другое государство, где по имеющимся веским основаниям оно может быть подвергнуто пыткам.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Что касается грозящей заявителю опасности подвергнуться пыткам со стороны государственных должностных лиц по возвращении в Шри-Ланку, то Комитет принимает к сведению утверждение заявителя, что в прошлом государственные должностные лица подвергали его преследованию и угрожали ему оружием, поскольку он был активистом профсоюза ОНП.³¹ Комитет особо отмечает описание главного предполагаемого исполнителя, г-на Л.А., который, по утверждению заявителя, подвергал его издевательствам в связи с его политической деятельностью, задерживал его и угрожал ему оружием. Кроме того, г-н Л.А. был заключен в тюрьму за убийство членов ОНП; он отдал себя в руки полиции в августе 2012 года, после того как, судя по утверждениям, похитил трех человек и угрожал им расправой; позднее он был вновь избран на пост председателя районного правления Ятаватты в округе Матале. Комитет отмечает далее, что г-н Л.А., судя по сообщениям, на выборах в местный орган управления в марте 2011 года

³⁰ Ссылка на сообщение № 61/1996, *К.Ю. и З. против Швеции*, соображения от 6 мая 1998 года, пункт 11.2.

³¹ Объединенная национальная партия.

баллотировался в качестве кандидата от Объединенного народного альянса свободы (ОНАС) (пункт 10.5 решения).

Комитет считает, что предполагаемая заявителем опасность является реальной, личной и предсказуемой. Комитет особо отмечает тот факт, что заявителю был поставлен диагноз посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и серьезного депрессивного расстройства, связанных с травмой, полученной в Шри-Ланке. Он принимает к сведению также доклад Центра Эдмунда Райса (ЦЭР), в котором подтверждается обоснованность опасений заявителя относительно риска подвергнуться пыткам и преследованию со стороны шри-ланкийских властей по возвращении в Шри-Ланку. Государство-участник не смогло опровергнуть доказательства, представленные заявителем (пункт 10.6 решения).

В заключении, выданном 8 февраля 2009 года клиническим психологом Викторианского фонда для жертв пыток, инк. (Фондовый дом), говорится, что причиной состояния заявителя являются его представляющаяся реальной уверенность, что в случае репатриации его жизни будет угрожать опасность, а также страхи за благополучие его семьи. Этот вывод подтверждается четырьмя другими медицинскими заключениями, в которых усматривается соответствие его нынешнего психического заболевания пережитому в прошлом опыту. Что касается физических следов насилия, то в медицинском заключении Службы НЮУ³² по лечению и реабилитации жертв пыток и травм от 14 марта 2011 года подтверждается наличие шрамов на левой стороне шеи, на правом боку, в левой части таза и в районе поясничного отдела позвоночника. Шрамы не являлись свежими, хотя врач не мог с точностью определить время и причину их появления. В медицинском заключении от 17 марта 2011 года подтверждено наличие шрамов в нижней части спины и на животе заявителя и соответствие этих шрамов предполагаемой травме (пункт 10.7 решения).

Что касается доклада Центра Эдмунда Райса (ЦЭР), представленного 27 апреля 2012 года, то он считает, что показания заявителя достоверны и что он будет подвергаться весьма высокому риску пыток в руках агентов правительства, включая г-на Л.А. и лиц, связанных с правительством через профсоюз правительственной партии. Главный организатор оппозиции в парламенте Шри-Ланки ..., с которым встретила группа НПО,³³ отметил, что правительство неуклонно проводит линию на отслеживание политических оппонентов, а после выборов пришедшая к власти партия преследует сторонников

³² Нового Южного Уэльса.

³³ Неправительственная организация.

оппозиции, чтобы наказать их за поддержку ее политических противников. Беседа с руководством НПТ³⁴ подтвердила, что раны, замеченные на теле заявителя в то время, были результатом избиения проволочным кнутом и других форм "издевательств", преследующих цель заставить его поклоняться президенту. По жалобе заявителя производилось расследование силами комитета ОНП по вопросам политического реванша, результаты которого на сегодняшний день неизвестны. В докладе ЦЭР говорится далее, что для заявителя дополнительно существует риск того, что он после безуспешной попытки получить убежище будет подозреваться в поддержании связей с ТОТИ.³⁵ Но и в этом случае государство-участник не представило убедительных аргументов в отношении поставленных заявителем вопросов, в том числе, и это Комитет подчеркивает особо, в отношении утверждений, содержащихся в упомянутых выше сообщениях (пункт 10.8 решения).

Комитет рассмотрел аргумент государства-участника относительно того, что утверждение заявителя касается частных субъектов, а это выводит его жалобу за пределы сферы действия статьи 3 Конвенции³⁶. Вместе с тем Комитет напоминает, что в своих решениях и в Замечании общего характера № 2 он отразил свою позицию в отношении пыток, применяемых частными субъектами, и непроявления должного усердия со стороны государства-участника для принятия мер по прекращению недопустимых по Конвенции действий³⁷. При рассмотрении данного сообщения Комитет принял во внимание все соответствующие факторы, далеко выходящие за пределы одной лишь опасности применения пыток частным образованием. Комитет провел оценку сообщений о продолжающих появляться на постоянной основе утверждениях о широко распространенном применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения в Шри-Ланке³⁸, а также сообщений о жестоком обращении с лицами, которые искали убежище и не получили его в ситуациях, сходных с ситуацией

³⁴ Национальный профсоюз трудящихся.

³⁵ Тигры освобождения Тамил-Илама.

³⁶ См., в частности, решение Комитета против пыток относительно сообщения № 177/2001, *Х.М.Х.И. против Австралии*, принятое 1 мая 2002 года, пункт 6.4; и решение Комитета относительно сообщения № 218/2002, *Чорланго против Швеции*, принятое 22 ноября 2004 года, пункт 5.2.

³⁷ См. решение Комитета против пыток относительно сообщения № 379/2009, *Бакату Биа против Швеции*, принятое 3 июня 2011 года, пункт 10.6; решение № 322/2007, *Ньямба и Баликоса против Швеции*, принятое 14 мая 2010 года, пункт 9.5; а также Замечание общего характера № 2 (2008), пункт 18.

³⁸ См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

заявителя³⁹, и пришел к выводу, что, помимо пыток со стороны ТОТИ, следы которых подтверждаются медицинскими заключениями, заявитель подвергался постоянному преследованию и угрозам, в том числе смертельным угрозам, официальными органами и степень жестокости такого обращения повышалась по мере представления им новых жалоб (пункт 10.9 решения).

В свете вышеизложенного и на основании всей имеющейся в его распоряжении информации Комитет против пыток приходит к выводу, что имеются веские основания полагать, что заявитель в случае его возвращения в Шри-Ланку столкнется с предсказуемой, реальной и личной опасностью пыток со стороны шри-ланкийских властей. По этой причине Комитет считает, что высылка заявителя в Шри-Ланку будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 10.10 решения).

Выводы Комитета: Комитет полагает, что государство-участник обязано воздержаться от принудительного возвращения автора жалобы в Шри-Ланку или в любую другую страну, где ему будет угрожать реальная опасность высылки или возвращения в Шри-Ланку. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в 90-дневный срок с даты передачи данного решения информировать его о предпринятых шагах в ответ на данное решение (пункт 11 решения).

Тексты приведённых решений и замечаний общего порядка Комитета ООН против пыток находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета: <http://www.ohchr.org/en/hrbodies/cat/pages/catindex.aspx>

³⁹ См. CAT/C/GBR/CO/5, пункт 20.

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁴⁰

Сообщение: *Элизабет де Блок и др. против Нидерландов.* Сообщение № 36/2012. Мнения⁴¹ приняты Комитетом 17 февраля 2014 года.

Правовые позиции Комитета: Что касается аргумента государства-участника относительно неприменимости статьи 11(2)(b) к самозанятым женщинам, то Комитет отмечает, что ничего в формулировках статьи 11 в целом или статьи 11(2)(b) не свидетельствует в пользу такой узкой интерпретации. Напротив, Комитет отмечает, что в ходе конструктивного диалога с представителями государства-участника, в его заключительных замечаниях и в его юридической практике он систематически имел дело с самозанятыми лицами в связи с рядом подпунктов статьи 11 и статьи 11(2)(b) в частности. Кроме того, Комитет напоминает, что в деле *Нгуен*, на которое ссылаются как авторы, так и государство-участник, он основывал свои выводы на четком предположении, что в контексте статьи 11(2)(b) понятие «все занятые женщины» включает не только женщин, связанных отношениями найма, но и тех, которые являются самозанятыми. Таким образом, по мнению Комитета, статья 11(2)(b) применима также и к самозанятым женщинам, а не только исключительно к женщинам, работающим по найму (пункт 8.4 мнений).

Комитет напоминает, что государство-участник, ратифицировав Конвенцию и Факультативный протокол к ней, приняло на себя обязательства о предоставлении правовой защиты лицам, ставшим жертвами нарушения их прав согласно Конвенции. Комитет ссылается на общую рекомендацию № 28, в соответствии с которой вопрос о прямом действии Конвенции на национальном уровне является вопросом конституционного права и зависит от статуса международных договоров в национальной правовой системе. В соответствии с Конвенцией государства-участники принимают обязательство

⁴⁰ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция), а также признаёт компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

⁴¹ Решение Комитета *по существу*.

«выполнять положения Конвенции» (статья 18 Конвенции) либо применять или обеспечивать применение положений Конвенции, что означает отсутствие у государства-участника возможности сослаться на отсутствие прямого действия либо на такие оговорки, как «инструкции» или «обязательство приложить все усилия» с целью отказаться от исполнения своих обязательств в соответствии со статьей 11(2)(b) (пункт 8.6 мнений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению претензию авторов о том, что, поскольку им не были предоставлены льготы в связи с отпуском по беременности и родам в результате реформы системы в 2004 году, им причитается компенсация в объеме, который был бы им предоставлен в соответствии с Законом о страховании нетрудоспособных (самозанятые лица) до реформы. Он также принял к сведению аргумент государства-участника о том, что положения статьи 11(2)(b) применяются к женщинам, занятым на оплачиваемой работе, и не могут быть истолкованы как предоставляющие защиту самозанятым лицам; что самозанятые лица могут самостоятельно застраховаться от риска потери дохода посредством сбережений или услуг частных страховых компаний; что вмешательства государства-участника не требуется, поскольку самозанятые лица могут надлежащим образом застраховаться от такого риска в частных компаниях; что существует надлежащий план выплаты пособий по беременности и родам, благодаря которому самозанятые женщины могут добровольно застраховать себя в соответствии с Законом о пособиях по случаю болезни, который предусматривает право на получение пособий по беременности и родам в течение 16 недель, и что государство-участник даже оказало содействие самозанятым лицам в частном страховании посредством введения системы налоговых вычетов со страховых взносов (пункт 8.2 мнений).

[В]опрос, стоящий перед Комитетом, заключается в определении, нарушило ли государство-участник права авторов, предусмотренные статьей 11(2)(b) в результате упразднения существовавшего плана пособий по беременности и родам, применявшегося до 2004 года по отношению к самозанятым женщинам, с учетом того, что после рождения детей в 2005 и 2006 годах они фактически остались без пособий по беременности и родам (пункт 8.3 мнений).

Комитет ... принимает к сведению решение районного суда Гааги от 25 июля 2007 года, в котором суд вынес заключение о том, что статья 11(2)(b) не имеет прямого применения, поскольку она содержит всего лишь «инструкцию» для государств-участников ввести отпуск по беременности и родам, оставляя на усмотрение государств-участников, каким именно образом это будет достигнуто на практике. Кроме того,

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что обязательство принять «надлежащие меры» для предупреждения дискриминации против женщин в связи с беременностью и родами представляет собой не более чем формулировку о приложении «всех усилий». Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях в контексте четвертого периодического доклада государства участника⁴² он придерживался мнения, что данное положение Конвенции имеет прямое применение. Он подтвердил свою обеспокоенность относительно статуса Конвенции в правовой системе государства-участника и в частности того факта, что руководящие органы продолжают считать, что не все существенные положения Конвенции имеют прямое применение (пункт 8.5 мнений).

Комитет отмечает, что в данном контексте к государству-участнику обращен призыв пересмотреть свою позицию относительно того, что не все существенные положения Конвенции имеют прямое применение в национальной правовой системе и в частности обеспечить применение всех положений Конвенции в полном объеме. ... Он также напоминает о своей обеспокоенности в связи с отменой властями в 2004 году Закона о страховании в связи с потерей трудоспособности (самозанятые лица), в результате чего независимые предприниматели из числа женщин лишились пособия по беременности и родам; Комитет в свое время призвал государство-участника восстановить пособие по беременности и родам для всех женщин на основании статьи 11(2)(b) Конвенции, включая самозанятых⁴³ (пункт 8.6 мнений).

Комитет далее отмечает, что, несмотря на существование определенной свободы усмотрения государств-участников относительно исполнения на практике своих обязательств по статье 11(2)(b) Конвенции, обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о том, что после введения изначально обязательной системы предоставления отпуска по беременности и родам для всех, в том числе для самозанятых женщин, даже при том, что в последнем случае это финансировалось за счет специальных ассигнований, в 2004 году государство-участник отменило эту систему, не введя каких-либо переходных мер, и решило, что самозанятые женщины больше не будут охвачены системой государственного страхования, а смогут вместо нее воспользоваться частной системой страхования от потери дохода. В результате авторы лишились страховки на случай беременности и родов 1 августа 2004 года. Авторы пытались воспользоваться услугами частных страховых компаний, однако – и это по-прежнему не опровергается государством-участником – все, кроме одной, были вынуждены

⁴² CEDAW/C/NLD/CO/4, пункты 11 и 12.

⁴³ Там же, пункты 29–30.

отказаться от этой идеи по причине стоимости такой страховки с учетом относительно низкого уровня их дохода. Кроме того, – и это также по-прежнему не оспаривается государством-участником – частные страховые компании применяли положение о двухлетнем условном периоде для новых членов, в течение которого пособие по беременности и родам в связи с потерей дохода не могло выплачиваться в случае соответствующего отпуска (пункт 8.7 мнений).

Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало заявления авторов, но лишь пояснило, что решение о конкретной форме применения плана предоставления отпуска по беременности и родам остается на усмотрение национальных органов; что платежи по такой страховке подпадают под действие налоговых вычетов, а также что в любом случае частные страховые компании свободны в определении конкретных финансовых параметров покрытия риска. В этих обстоятельствах Комитет считает, что реформа, введенная в действие государством-участником в 2004 году, реально отрицательно сказалась на условиях предоставления авторам отпуска по беременности и родам, защищаемых статьей 11(2)(b), по сравнению с условиями, обеспеченными ранее действовавшей государственной схемой страхования (пункт 8.8 мнений).

Комитет принимает к сведению, что в данных обстоятельствах авторы не получили пособия в связи с потерей дохода после того, как родили детей в 2005 и 2006 годах, за исключением г-жи де Блок (которая воспользовалась услугами частной страховой компании и получила от нее паушальную выплату, но только после того, как она уведомила страховую компанию о своем намерении передать дело на рассмотрение суда). Таким образом, отказ государства-участника в предоставлении пособия по беременности и родам неблагоприятно повлиял на положение беременных женщин и поэтому представляет собой прямую дискриминацию в отношении женщин по половому и гендерному признаку и нарушение обязательства государства-участника принять все необходимые меры для ликвидации дискриминации в соответствии со статьей 11 Конвенции. Таким образом, Комитет считает, что, отменив ранее действующий государственный план предоставления отпуска по беременности и родам без введения альтернативного плана предоставления отпуска по беременности и родам для компенсации потерь дохода в период такого отпуска, непосредственно доступного самозанятым авторам после рождения детей, государство-участник не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 11(2)(b) Конвенции (пункт 8.9 мнений).

Выводы Комитета: Комитет выражает мнение о том, что государство-участник не выполнило своих обязательств и поэтому

нарушило права авторов согласно статье 11(2)(b) Конвенции. Комитет выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации: а) *что касается авторов сообщения*: предоставить возмещение, включая надлежащую денежную компенсацию за потерю пособия в связи с беременностью и родами; б) *в общем*: Комитет констатирует, что государство-участник внесло поправки в свое законодательство в июне 2008 года (со вступлением в силу Закона о труде и социальном обеспечении) и обеспечило введение системы предоставления отпусков по беременности и родам для самозанятых женщин, с тем чтобы аналогичные нарушения не происходили в будущем. Однако он констатирует отсутствие возможности компенсации для самозанятых женщин, таких, как авторы, которые рожали детей в период с 1 августа 2004 года по 4 июня 2008 года. Поэтому государству-участнику рекомендуется принять меры для изменения положения таких женщин (пункт 9 мнений).

Сообщение: *Р.П.Б. против Филиппин*. Сообщение № 34/2011. Мнения приняты Комитетом 21 февраля 2014 года.

Правовые позиции Комитета: Что касается утверждения автора о нарушении положений статьи 2 с) Конвенции, то Комитет напоминает, что право на эффективную защиту, которое также включает в себя право на эффективное средство правовой защиты, закреплено в Конвенции⁴⁴. Это право подпадает под действие статьи 2 с), согласно которой государства-участники должны «установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации», в сочетании с подпунктами b) и i) пункта 24 общей рекомендации № 19, согласно которым государства-участники должны «обеспечить, чтобы законы, направленные против насилия и надругательств в семье, изнасилований, сексуальных нападений и других актов гендерного насилия, гарантировали надлежащую защиту всех женщин и обеспечивали уважение их чести и достоинства», и предусмотреть «эффективные процедуры рассмотрения жалоб и принятия по ним надлежащих мер, включая выплату компенсации», для устранения всех форм гендерного насилия. Комитет также напоминает, что, для того чтобы правовая защита была эффективной, решения по делам об изнасиловании и сексуальных преступлениях должны приниматься с соблюдением принципов справедливости,

⁴⁴ *Вертидо против Филиппин*, пункт 8.4.

беспристрастности, своевременности и оперативности⁴⁵. Комитет напоминает далее о своей Общей рекомендации № 18, в которой он отметил, что «женщины-инвалиды считаются уязвимой группой» и «страдают от двойной дискриминации, вызванной особыми условиями их жизни». В связи с этим Комитет подчеркивает, что крайне важно обеспечить, чтобы женщины-инвалиды пользовались эффективной защитой от дискриминации по признаку пола и гендерной дискриминации со стороны государств-участников и имели доступ к эффективным средствам правовой защиты (пункт 8.3 мнений).

Комитет отмечает, что бесплатная помощь переводчика в случаях, когда соответствующие стороны, такие, как обвиняемый или свидетели, не могут понять языка, используемого в суде, или не могут говорить на нем, является одной из основополагающих гарантий справедливого судебного разбирательства, закрепленной в правозащитных договорах⁴⁶ и получившей дополнительное развитие в юриспруденции договорных органов⁴⁷ (пункт 8.4 Мнений).

⁴⁵ Там же, пункт 8.3.

⁴⁶ См., например, пункт 3 f) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (ратифицированного Филиппинами в 1986 году), пункт 2 vi) статьи 40 Конвенции о правах ребенка 1989 года (ратифицированной Филиппинами в 1990 году) и пункт 3 f) статьи 18 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (ратифицированной Филиппинами в 1995 году). Статья 21 b) Конвенции о правах инвалидов, ратифицированной Филиппинами в 2008 году, требует, чтобы государства-участники приняли и содействовали «использованию в официальных сношениях [...] жестовых языков [...] по выбору инвалидов».

⁴⁷ Например, юриспруденция Комитета по правам человека указывает на то, что согласно пункту 3 f) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах нельзя проводить судебные разбирательства на языке, если человек не понимает этого языка и не говорит на нем (см., например, сообщения № 221/1987 и 323/1988, *Ив Кадоре и Эрве Ле Биан против Франции*, мнения, принятые 11 апреля 1991 года, пункт 5.7; и сообщение № 327/1988, *Эрве Барзиг против Франции*, мнения, принятые 11 апреля 1991 года, пункт 5.6). Только в том случае, если обвиняемый или свидетели испытывают трудности в понимании языка, используемого в суде, или затруднения при выражении своих мыслей на этом языке, в обязательном порядке должны быть предоставлены услуги переводчика (см., например, сообщение № 327/1988, пункт 5.5). Пункт 3 f) статьи 14 предусматривает право на помощь переводчика только во время слушаний в суде (см., например, сообщения № 273/1988, *Б.д.Б. и др. против Нидерландов*, решение от 30 марта 1989 года; 221/1987, *Ив Кадоре против Франции*, решение от 11 апреля 1991 года, и 323/1988, *Эрве Ле Биан против Франции*, решение от 9 ноября 1989 года). В то же время Комитет счел, что признание, которое было получено в присутствии лишь двух следователей, один из которых печатал показания, а другой обеспечивал перевод на язык автора,

Что касается претензии автора по пункту f) статьи 2 Конвенции, то Комитет напоминает о том, что Конвенция возлагает обязательства на все государственные органы и что государства-участники несут ответственность за судебные решения, которые нарушают положения Конвенции. Он отмечает, что согласно этому положению Конвенции государство-участник обязано принимать соответствующие меры для изменения или отмены не только действующих законов и положений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. В связи с этим Комитет подчеркивает, что наличие стереотипов оказывает воздействие на реализацию права женщин на объективное и справедливое судебное разбирательство и что судебные органы обязаны проявлять осторожность, с тем чтобы не создавать жестких норм в отношении того, какими должны быть женщины или девочки и каково должно быть их поведение, когда они подвергаются изнасилованию, основываясь лишь на предвзятых представлениях о том, что такое жертва изнасилования⁴⁸. В данном конкретном случае соблюдение государством-участником обязательства запрещать гендерные стереотипы в соответствии с пунктом f) статьи 2 следует оценивать в свете того, в какой степени учитывались гендерный фактор, возраст и фактор инвалидности в ходе судебного разбирательства по делу автора (пункт 8.8 мнений).

Комитет ссылается на свое мнение, согласно которому представление о том, что автор должна была оказывать сопротивление в данных обстоятельствах, в конкретной форме закрепляет тот стереотип, что женщины должны оказывать физическое сопротивление посягательствам сексуального характера. Комитет вновь подчеркивает, что ни в законе, ни в практической деятельности не должно быть никаких презумпций того, что женщина дает свое согласие, если не оказывает физического сопротивления нежелаемому сексуальному поведению, независимо от того, угрожал ли преступник применением физического насилия или применил такое насилие⁴⁹. Он также вновь заявляет, что отсутствие согласия является одним из важных элементов преступления изнасилования, которое представляет собой нарушение права женщин на личную безопасность, автономию и физическую неприкосновенность⁵⁰ (пункт 8.10 мнений).

лишило автора справедливого судебного разбирательства согласно пункту 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (см., например, сообщение № 1033/2001, *Налларатнам Сингараса против Шри-Ланки*, мнения, принятые 21 июля 2004 года, пункт 7.2).

⁴⁸ Вертидо против Филиппин, пункт 8.4.

⁴⁹ См. *Вертидо против Филиппин*, пункт 8.5.

⁵⁰ См. также *Вертидо против Филиппин*, пункт 8.7.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что согласно утверждению автора государство-участник не обеспечило ее защиты от дискриминации по признаку пола, в частности не предоставив ей доступа — на равной основе с другими жертвами — к суду как женщине, которая к тому же является глухонемой. В связи с этим он отмечает, что конкретные обвинения автора по данному поводу касаются, в частности, использования судом первой инстанции гендерных мифов и стереотипов в отношении изнасилования и жертв изнасилования, что привело к оправданию предполагаемого преступника; того, что суд не принял во внимание ее уязвимость как глухой девушки и не предоставил ей «разумного приспособления» на этой основе, в частности услуг переводчика жестового языка; и того, что суд не обеспечил проведения разбирательства без чрезмерных задержек. Комитет определит, является ли все перечисленное выше нарушением прав автора и несоблюдением государством-участником соответствующих обязательств положить конец дискриминации в правовом процессе согласно статье 1 и пунктам c), d) и f) статьи 2 Конвенции (пункт 8.2 мнений).

Комитет отмечает тот неоспоримый факт, что дело автора, по которому в суде были заслушаны лишь автор, ее мать и обвиняемый, оставалось на рассмотрении в суде первой инстанции в течение периода с 2006 по 2011 год. Он также отмечает, что государство-участник не отвергло утверждения автора о том, что отсутствие соответствующего планирования в суде первой инстанции в дополнение к его длительной переписке с Филиппинским центром помощи глухонемым в связи с обеспечением для нее услуг переводчика явились факторами, существенно затянувшими разбирательство этого дела (пункт 8.4 мнений).

Комитет ... отмечает, что ... автор, молодая глухая женщина, понимала только письменный английский язык и была не способна слышать, тогда как разбирательства, в том числе слушания в суде, проходили с использованием разговорных и письменных филиппинского и английского языков (пункт 8.4 мнений).

Комитет отмечает также, что утверждение автора о том, что в ходе расследования и на некоторых слушаниях в суде, в том числе во время вынесения оправдательного приговора обвиняемому, ей не были предоставлены услуги переводчика жестового языка, несмотря на тот факт, что она присутствовала на всех слушаниях и что бремя поиска переводчиков жестового языка и обеспечения их присутствия в суде было возложено, по крайней мере частично, на автора. Комитет отмечает, что государство-участник не оспорило это утверждение автора. Оно также не продемонстрировало, каким образом положения о

предоставлении услуг переводчиков жестового языка, содержащиеся в постановлении-записке Верховного суда № 59-2004 и циркуляре канцелярии администратора Верховного суда № 104-2007, применялись на практике в данном случае. В связи с этим Комитет отмечает, что, как указала автор и это не было опровергнуто государством-участником, согласно исследованию, проведенному Филиппинским центром помощи глухонемым, в большинстве исков, возбужденных глухими истцами на Филиппинах в 2006–2010 годах в отношении изнасилования, менее чем 1 из 3 жертв пользовалась услугами переводчиков жестового языка⁵¹. Комитет принимает к сведению утверждение автора в отношении отсутствия на Филиппинах всеобъемлющей стратегии содействия равенству и доступности системы отправления правосудия для глухих, особенно женщин и девочек, а также отсутствия норм и процедур обеспечения перевода для таких участников процесса. Он отмечает далее, что соответствующая политика государства-участника требует обеспечения перевода только в тех случаях, когда глухого «необходимо понять в полной мере». Он также отмечает, ссылаясь на исследование, проведенное Центром, что некоторые суды не знают о существовании этого требования и не разрешают обеспечивать сурдоперевод для глухого участника процесса, считая это «показанием с чужих слов» или дополнительной услугой, которую должны оплачивать глухие участники процесса (пункт 8.6 мнений).

Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела предоставление услуг переводчика жестового языка было необходимо для обеспечения полноценного и равноправного участия автора в разбирательствах в соответствии с принципом равенства сторон, а следовательно, и для того, чтобы гарантировать использование ею эффективной защиты от дискриминации по смыслу пунктов с) и d) статьи 2 Конвенции, рассматриваемых в совокупности с общей рекомендацией № 19 Комитета (пункт 8.7 мнений).

Комитет отмечает, что в соответствии с доктриной *stare decisis*⁵² суд при применении касающихся изнасилования положений пересмотренного Уголовного кодекса 1930 года и при вынесении решений по делам об изнасилованиях в аналогичных обстоятельствах полагался на руководящие принципы, вытекающие из судебных прецедентов. Комитет обращает внимание на то, что уже в самом начале решения содержится ссылка на три общих руководящих принципа,

⁵¹ См. пункт 3.14 выше. Точнее, как указано в исследовании, проведенном Филиппинским центром помощи глухим, только в 28 из 80 дел, в которых стороной или свидетелем был инвалид по слуху, предоставлялись услуги переводчиков.

⁵² Стоять на решённом; господствующая сила прецедента.

применяемых при рассмотрении дел об изнасиловании. Что касается гендерных мифов и стереотипов, которые, по утверждению автора, присутствуют во всем тексте решения, то после тщательного рассмотрения основных элементов, на которых основывается решение, Комитет отмечает, что, во-первых, суд первой инстанции ожидал от автора определенного поведения, которое обычная филиппинская жертва изнасилования должна продемонстрировать в подобных обстоятельствах, а именно «употребить все свои силы и все мужество, чтобы пресечь любую попытку очернить ее честь и запятнать ее непорочность». Во-вторых, суд оценил поведение автора, исходя из этого стандарта, и счел, что ее «поведение не соответствовало поведению обычной филиппинки» и «разумному поведению человека», поскольку она не попыталась вырваться или оказать сопротивление нападавшему, в частности создав шум или применив силу. Суд заявил, что «тот факт, что она даже не попыталась вырваться [...] или, по крайней мере, воззвать о помощи, несмотря на то, что она могла сделать это, порождает сомнения в ее честности и мешает поверить в ее утверждение о том, что это было совершено вопреки ее воле и согласию». Комитет считает, что сами по себе такие выводы суда говорят о наличии сильных гендерных стереотипов, приводящих в результате к дискриминации по признаку пола и гендерной дискриминации и не учитывают конкретные обстоятельства дела, в частности факт инвалидности автора и ее возраст (пункт 8.9 мнений).

Комитет отмечает далее, что гендерные стереотипы и предубеждения, проявленные судом первой инстанции, включали, в частности, соображения о том, что жертва изнасилования якобы не оказала сопротивления и дала свое согласие, и о применении силы и запугивания преступником. ... Комитет отмечает, что, несмотря на конкретную рекомендацию в адрес государства-участника включить элемент «отсутствия согласия» в определение изнасилования в пересмотренном Уголовном кодексе 1930 года, государство-участник не внесло никаких изменений в свое законодательство (пункт 8.10 мнений).

Комитет ... признает, что автор понесла материальный и моральный ущерб и пострадала от проявленных по отношению к ней предрассудков, в частности в результате чрезмерно длительного судебного разбирательства, того обстоятельства, что суд не предоставил ей бесплатную помощь переводчиков жестового языка, использования стереотипов и гендерных мифов и игнорирования ее особой ситуации в качестве глухонемой девушки при принятии решения (пункт 8.11 мнений).

Выводы Комитета: Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и тем самым нарушило права автора по смыслу пунктов с), d), f) статьи 2, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1 Конвенции и общими рекомендациями № 18 и № 19 Комитета. Комитет выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации:

a) касательно автора сообщения:

- i) предоставить возмещение, в том числе денежную компенсацию, соразмерное серьезности нарушений прав автора;
- ii) обеспечить бесплатное психологическое консультирование и лечение для автора и затронутых членов ее семьи.
- iii) обеспечить безбарьерное образование с переводом;

b) общие рекомендации:

- i) пересмотреть законодательство об изнасиловании с целью устранить любые требования в отношении того, что сексуальное нападение должно совершаться с применением силы или насилия, и любые требования в отношении доказательства совершения полового акта с проникновением, с тем чтобы главное внимание в определении изнасилования было уделено отсутствию согласия;
- ii) пересмотреть соответствующее законодательство и практику с целью гарантировать бесплатную адекватную помощь переводчиков, в том числе на языке жестов, на всех этапах судебного разбирательства, когда это необходимо;
- iii) обеспечить, чтобы все уголовные процедуры в делах, связанных с преступлением изнасилования и совершением других актов сексуального насилия, были беспристрастными и справедливыми и чтобы на них не оказывали воздействия предрассудки или стереотипные представления о поле, возрасте и инвалидности жертвы;
- iv) обеспечить адекватную и регулярную подготовку по Конвенции, Факультативному протоколу к ней и по Общим рекомендациям Комитета, в частности общим рекомендациям № 18 и № 19, для судей и специалистов в области права с целью гарантировать, чтобы стереотипы и гендерные предубеждения не влияли на судебное разбирательство и принятие решений (пункт 9 мнений).

Сообщение: *Н. против Нидерландов*. Сообщение № 39/2012. Решение⁵³ принято Комитетом 17 февраля 2014.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола⁵⁴ авторы должны использовать все имеющиеся внутренние средства. Он также напоминает о своей юридической практике, согласно которой автор должен затронуть в рамках национального разбирательства суть претензии, которую он или она желает довести до Комитета⁵⁵, с тем чтобы местные власти и/или суды могли рассмотреть такую претензию⁵⁶ (пункт 6.3 Решения).

Комитет напоминает о том, что принцип недопустимости принудительного возвращения, по сути, означает, что государство не вправе возвращать лиц на территорию, где они могут подвергаться преследованиям, в том числе в связи с гендерными формами и основаниями для такого преследования. Он также напоминает о том, что принцип недопустимости принудительного возвращения является важнейшим компонентом убежища и международной защиты беженцев. Комитет далее напоминает о своих решениях, в соответствии с которыми статья 2 d) Конвенции включает обязательство государств-участников ограждать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства-участника⁵⁷. Комитет далее напоминает, что насилие по признаку пола является формой дискриминации в отношении женщин и включает в себя действия, которые причиняют ущерб и страдания физического, психологического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы⁵⁸ (пункт 6.4 решения).

⁵³ Решение о неприемлемости.

⁵⁴ Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 6 октября 199 года. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

⁵⁵ См. сообщение № 8/2005, *Кайхан против Турции*, решение от 27 января 2006 года, пункт 7.7.

⁵⁶ См. сообщение № 10/2005, *Н.С.Ф. против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии*, решение от 30 мая 2007 года, пункт 7.3.

⁵⁷ См., например, сообщение № 33/2011, *М.Н.Н. против Дании*, решение от 15 июля 2013 года, пункты 8.5–8.10; и сообщение № 35/2011, *М.Е.Н. против Дании*, решение от 26 июля 2013 года, пункты 8.4–8.9.

⁵⁸ См. пункт 6 общей рекомендации № 19.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела:

Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что, отказав удовлетворить ее прошение о предоставлении убежища, государство-участник в нарушение статей 1, 2 е), 3 и 6 Конвенции не предоставляет ей защиту от насилия по признаку пола, сексуального рабства и физического насилия со стороны г-на Л., ее бывшего работодателя в Монголии. Комитет далее принимает к сведению заявление государства-участника о том, что автор не затронула в рамках процедуры рассмотрения прошения о предоставлении убежища властями и судами Нидерландов сути претензии по поводу дискриминации по признаку пола, поскольку она утверждала только, что ее высылка будет противоречить принципу отказа от принудительной репатриации (пункт 6.3 решения).

Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что автор ограничила свою жалобу нарушением принципа недопустимости принудительного возвращения и не ссылается на дискриминацию по признаку пола.... При данных обстоятельствах, даже признавая, что автор конкретно не выдвигала обвинений в дискриминации по признаку пола перед национальными властями, Комитет считает, что дискриминация по признаку пола, сексуальное рабство и физическое насилие, примененные в отношении ее как женщины, находятся в центре ее прошения о предоставлении убежища и что национальные власти имели достаточно возможностей изучить эти претензии. Он отмечает, что государство-участник не может оспаривать то, что на национальном уровне автору не будет предоставлена возможность участвовать в другой процедуре, во время которой она могла бы выдвинуть претензию по поводу дискриминации по признаку пола по существу. Комитет считает, таким образом, что пункт 1 статьи 4 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им данного сообщения (пункт 6.4 Решения).

Комитет отмечает, что автор не представила каких-либо объяснений по поводу того, почему она считает, что ее права в соответствии со статьями 3 и 6 Конвенции, которые касаются соответственно соблюдения прав человека женщин, эксплуатации проституции и торговли женщинами, были нарушены отказом государства-участника удовлетворить ее ходатайство о предоставлении убежища. При отсутствии в деле какой-либо информации на этот счет Комитет считает, что автор не смогла в достаточной степени обосновать для целей приемлемости свои утверждения в отношении статей 3 и 6 Конвенции (пункт 6.7 решения).

В отношении оценки опасности подвергнуться серьезным формам гендерного насилия в случае возвращения автора в Монголию в

соответствии со статьями 1 и 2 е) Конвенции Комитет отмечает, во-первых, что автор просто заявляет о своих опасениях, что монгольские власти не защитят ее от г-на Л., не представляя никаких дополнительных пояснений. Также она не поясняет, почему г-н Л. будет представлять для нее реальную угрозу через пять лет после предполагаемых событий, произошедших с декабря 2008 года по июнь 2009 года. Кроме того, автор не объяснила, каким образом в прошлом монгольские власти не смогли защитить ее в ее личных обстоятельствах и существует ли реальная опасность того, что эти же власти не смогут предоставить ей надлежащую защиту по возвращении (пункт 6.8 решения).

Кроме того, Комитет принимает к сведению тот факт, что автор не пояснила, почему она не настаивала на рассмотрении ее жалоб в полицию в течение трех месяцев своего отсутствия в доме г-на Л. в период с декабря 2008 года по июнь 2009 года, как и не объяснила, почему она не подавала жалоб в прокуратуру или судебные органы Монголии в тот же период. Комитет далее отмечает, что автор покинула страну в июне 2009 года, то есть спустя шесть месяцев после подачи ею первой жалобы в полицию в декабре 2008 года. С другой стороны, Комитет отмечает, что из материалов дела не следует, что монгольские власти фактически действовали недобросовестно или отказывались оперативно реагировать на жалобы автора. В этом контексте Комитет отмечает также, что Монголия является государством — участником Конвенции и Факультативного протокола к ней и как таковая обязана выполнять их положения (пункт 6.9 решения).

Комитет считает, что представленные факты не позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время в Монголии отсутствует эффективная правовая система, способная обеспечить опознание, судебное преследование и наказание г-на Л., и в особенности о том, что индивидуальные обстоятельства автора свидетельствуют о существовании риска преследования со стороны г-на Л. и об отсутствии защиты от такого риска в случае возвращения в страну происхождения. Кроме того, Комитет делает вывод о том, что для целей приемлемости автор не смогла обосновать свои утверждения в соответствии со статьями 1 и 2 е) Конвенции (пункт 6.10 решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что автору не удалось в достаточной степени обосновать для целей приемлемости свои утверждения о том, что из-за отказа государства-участника предоставить ей убежище ей угрожает личная и предсказуемая опасность подвергнуться серьезным формам гендерного насилия в случае ее возвращения в Монголию и что органы власти Монголии не предоставили или не обеспечат предоставление ей эффективной защиты от таких форм насилия. Таким образом, Комитет приходит к

заключению, что сообщение является неприемлемым по смыслу пункта 2 с) статьи 4 Факультативного протокола (пункт 6.11 Решения).

Тексты приведённых мнений и решения, общих рекомендаций Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин находятся в справочной системе «Международное право», установленной в ведомственном контуре Государственной автоматизированной системы «Правосудие», а также на официальном сайте Комитета:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CEDAW/Pages/CEDAWIndex.aspx>

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Извлечения из постановлений

Уголовно-правовые аспекты

1. В постановлении по делу «Зимин против России» от 6 февраля 2014 г. (далее – постановление) Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) не установил нарушения российскими властями п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и отклонил жалобу заявителя на неоднократное продление срока его содержания под стражей.

Обстоятельства дела: 23 декабря 2002 г. Арбитражный суд Ульяновской области объявил закрытую акционерную компанию В.Т. (далее – Компания)⁵⁹ неплатёжеспособной и назначил заявителя её конкурсным управляющим. Позже Зимин В.С. был освобождён от занимаемой должности. В марте 2006 года заявителю было предъявлено обвинение в мошенничестве и присвоении имущества в ходе производства по делу о несостоятельности Компании. В частности, он обвинялся в незаконной передаче третьей стороне недвижимости.

Зимин В.С. надлежащим образом неоднократно вызывался к следователю для предъявления обвинения, однако на повестки не реагировал. Близкие родственники не знали о его местонахождении, и по месту жительства его также не было. 5 апреля 2006 г. заявитель был объявлен в розыск.

В апреле 2006 года Зимин В.С. был задержан милицией в г. Москве и затем перевезён в г. Ульяновск. Следователь ходатайствовал об избрании меры пресечения в отношении заявителя в виде заключения под стражу. 30 апреля 2006 г. Ленинский районный суд г. Ульяновска удовлетворил ходатайство следователя. Заявитель подал кассационную жалобу, утверждая, что районным судом не была рассмотрена возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения. Кассационным определением от 11 мая 2006 г. Ульяновский областной суд оставил в силе постановление от 30 апреля 2006 г.

Впоследствии суды дважды продлевали Зимину В.С. срок содержания под стражей (23 июня и 19 июля 2006 г.), по-разному обосновывая необходимость применения данной меры пресечения. Всего заявитель находился под стражей в течение восьми месяцев.

⁵⁹ Полное название компании в тексте постановления ЕСПЧ не приводится

В неустановленную дату сторона обвинения сняла с заявителя обвинения в присвоении имущества. 29 декабря 2006 г. Заволжский районный суд признал заявителя виновным в мошенничестве и приговорил его к лишению свободы сроком на один год и один месяц условно и штрафу в размере 50 000 рублей. Заявитель был освобождён в зале суда. 21 февраля 2007 г. Ульяновский областной суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставил приговор от 29 декабря 2006 г. без изменений.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд установил ряд обязательных условий законности длительного содержания под стражей:

- существование и неизменность обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление;
- оправданность дальнейшего содержания под стражей другими основаниями, приведёнными в судебных решениях;
- уверенность суда в том, что компетентные национальные органы власти проявили «особое усердие» в проведении судебного разбирательства.

Европейский Суд отметил, что он удовлетворён тем «...как национальные суды применили российское законодательство при рассмотрении вопроса о необходимости избрания в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с тяжестью предъявленных обвинений» (п. 35 постановления).

Суд подчеркнул, что «...риск побега был надлежащим образом обоснован в постановлении (от 19 июля 2006 г.) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу» (п. 37 постановления).

Европейский Суд установил, что «...после заключения заявителя под стражу...расследование было завершено в течение менее чем четырех месяцев и районный суд начал судебное разбирательство, которое заняло чуть более четырех месяцев... При таких обстоятельствах нельзя сказать, что компетентные национальные органы продемонстрировали отсутствие особого усердия при рассмотрении дела заявителя» (п. 41 постановления).

Учитывая все обстоятельства дела, Европейский Суд заключил, что «...в данном деле...в течение восьми месяцев содержания заявителя под стражей постоянно существовал значительный риск того, что заявитель скроется», и поэтому он согласился с выводами национальных судов о том, что «...отсутствовали альтернативные меры для обеспечения его присутствия... Соответственно, в настоящем деле не было допущено нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции» (пп. 39, 41 постановления).

Гражданско-правовые аспекты

2. В постановлении Европейского Суда по делу «Абашев против России» от 27 июня 2013 г. (далее – постановление) Европейский Суд установил нарушение российскими властями п. 5 ст. 5 Конвенции ввиду отказа Кировского районного суда г. Томска в удовлетворении иска Абашева О.И. о компенсации морального вреда по ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей на основании постановления от 3 апреля 2006 г. Александровского районного суда г. Томска, которое впоследствии было отменено постановлением президиума Томского областного суда от 13 декабря 2006 г.

Обстоятельства дела: заявителю было предъявлено обвинение в ложном доносе. С него была взята подписка о невыезде. Прокурор ходатайствовал перед судом применить к заявителю меру пресечения в виде заключения под стражу, так как он не явился на судебное заседание. В тот же день (3 апреля 2006 г.) заявитель был взят под стражу и помещен в изолятор временного содержания отделения милиции. 18 мая 2006 г. Томский областной суд рассмотрел и отклонил кассационную жалобу заявителя. 14 апреля 2006 г. Александровский районный суд постановил, что заявитель будет освобождён под залог в размере 50 000 рублей. Так как заявитель был не в состоянии сразу же оплатить такой залог, он оставался под стражей до 21 апреля 2006 г., когда его адвокат внёс требуемую сумму.

29 мая 2006 г. Томский областной суд отменил постановление о залоге от 14 апреля 2006 г., а 28 июня 2006 г. Александровский районный суд обязал Управление Судебного департамента в Томской области вернуть всю сумму залога адвокату заявителя.

13 декабря 2006 г. президиум Томского областного суда в порядке надзорного производства отменил постановление о заключении под стражу от 3 апреля 2006 г. и кассационное определение от 18 мая 2006 г.

10 января 2007 г. Александровский районный суд признал заявителя виновным в совершении преступления и приговорил его к полутора годам лишения свободы условно с испытательным сроком в два года. 20 августа 2007 г. областной суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставил приговор без изменений.

На основании постановления президиума Томского областного суда от 13 декабря 2006 г. заявитель подал иск к Управлению Федерального казначейства по Томской области и Министерству финансов за ущерб, причинённый ему в результате незаконного

содержания под стражей с 3 по 21 апреля 2006 г. 23 мая 2008 г. Кировский районный суд г. Томска отказал в удовлетворении его требований. 29 июля 2008 г. Томский областной суд в кассационном порядке оставил это решение без изменений.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд подчеркнул, что «...компенсация вреда в связи с лишением свободы, присуждаемая при нарушении положений статьи 5, должна быть не только теоретически доступной, но и предоставляемой на практике заинтересованному лицу» (п. 39 постановления).

В отношении применения ст. 1070 ГК РФ Европейский Суд отметил, что «...компенсация за вред может быть присуждена к выплате Властями, без необходимости доказательства истцом вины государственных должностных лиц, только в особых перечисленных случаях, включая незаконное применение меры пресечения в виде заключения под стражу» (п. 40 постановления).

«Формулировка и применение статьи 1070 не давали заявителю возможности добиться компенсации вреда – будь то до вынесения Европейским Судом настоящего постановления или после – за содержание под стражей, которое было применено в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции... отклонив иск заявителя о компенсации в значительной степени на формальных основаниях, российские суды не толковали и не применили внутригосударственное право в духе статьи 5 Конвенции» (п. 42 постановления).

3. В постановлении Европейского Суда по делу «Дмитрий Рябов против России» от 1 августа 2013 г. (далее – постановление) Европейский Суд отклонил жалобу Рябова Д.О. на нарушение российскими властями ст. 8 и ст. 14 Конвенции ввиду ограничения родительских прав заявителя решением суда.

Обстоятельства дела: у Рябова Д.О. и его жены О.Р., страдающими параноидальной шизофренией, есть сын Д., 2002 г.р.

30 августа 2006 г. по просьбе Т.К., матери О.Р., местный орган опеки и попечительства назначил Т.К. опекуном Д.

26 октября 2006 г. Т.К. инициировала судебное разбирательство против заявителя и О.Р. с целью ограничения родительских прав О.Р. и лишения родительских прав заявителя. Рябов Д.О. подал встречное заявление, добиваясь отмены опеки Т.К. над ребёнком и передачи Д. под его опеку.

31 мая 2007 г. Т.К. изменила свои требования, попросив суд не лишать заявителя родительских прав, а лишь ограничить их.

14 августа 2007 г. орган опеки и попечительства предоставил в суд заключение о том, что в наилучших интересах для Д. следует ограничить родительские права заявителя и О.Р.

16 августа 2007 г. заявитель изменил свой встречный иск, отказавшись от своей просьбы о передаче сына под его опеку, поскольку он понял, что в интересах ребёнка было бы желательно проживать с бабушкой и дедушкой. Он также настаивал на своей просьбе отменить опеку Т.К. над его сыном, и просил суд установить его права на общение с сыном в запрошенных им порядке и объёме.

Решением от 29 августа 2007 г., оставленным без изменения кассационным определением Санкт-Петербургского городского суда от 25 октября 2007 г., Невский районный суд г. Санкт-Петербурга установил, что в течение длительного периода времени родительские обязанности в отношении Д. выполнялись Т.К., поскольку ребёнок был взят ею из родильного отделения после его рождения и с тех пор проживал с ней. Кроме того, суд отметил, что О.Р. не участвовала в воспитании Д. по причине её психического расстройства, и что заявитель пренебрегал своими родительскими обязанностями в течение длительного периода времени ввиду своего психического расстройства и сложных жизненных обстоятельств.

Суд сослался на природу расстройства заявителя и посчитал, что для ребенка может быть опасным совместное проживание с заявителем по причине обстоятельств, от заявителя не зависящих. Тем не менее, суд отметил, что состояние психического здоровья заявителя не делает невозможным общение между ним и его сыном, и указал, что все виды общения между заявителем и Д., как просил заявитель в своём встречном иске от 16 августа 2007 г., должны быть разрешены, но только с согласия опекуна Т.К.

Позиция Европейского Суда: Европейский Суд рассмотрел жалобу заявителя в свете предполагаемого ограничения его родительских прав, контакта заявителя с ребенком с согласия опекуна (ст. 8 Конвенции) и в свете предполагаемого дискриминационного подхода российских властей к его делу (ст. 14 в совокупности со ст. 8 Конвенции).

Европейский Суд установил, что «...вмешательство было направлено на защиту «здоровья или нравственности» и «прав и свобод» ребенка и, следовательно, преследовало цели, которые являются законными в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Конвенции» (п. 45 постановления).

По мнению Европейского Суда, «[н]ациональные суды привели соответствующие причины для оправдания своего решения,

ограничивающего родительские права заявителя, а именно: состояние его психического здоровья, тот факт, что с момента своего рождения Д. находился под опекой Т.К., а также то обстоятельство, что заявитель не принимал активного участия в воспитании ребенка» (п. 49 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...власти пользуются свободой усмотрения при принятии решений по вопросам опеки... [Б]олее строгий контроль необходим как в отношении любых дополнительных ограничений, так и в отношении любых правовых гарантий, направленных на обеспечение эффективной защиты прав родителей и детей на уважение их семейной жизни. Такие дополнительные ограничения влекут за собой опасность того, что семейные отношения между ребенком и одним или обоими родителями могут быть, по сути, сведены к нулю» (п. 47 постановления).

Европейский Суд также отметил, что «статья 8 Конвенции требует, чтобы местные власти обеспечивали справедливый баланс между интересами ребенка и интересами его родителей, и чтобы в процессе поиска такого справедливого баланса особое значение придавалось наилучшим интересам ребенка, которые, в зависимости от их характера и серьезности, могут превалировать над интересами родителей» (п. 48 постановления).

В свете применения положений ст. 75 СК РФ, Европейский Суд установил, что они «...направлены на обеспечение эффективного выполнения обязанности родителей по отношению к ребенку, находящемуся под опекой. Учитывая, что данное положение относится именно к родителям, родительские права которых были ограничены, Суд не считает необоснованным право опекуна иметь возможность не разрешать контакт такого родителя с ребёнком в той или иной ситуации, когда конкретные обстоятельства могут дать основания полагать, что подобный контакт будет иметь пагубные последствия для ребенка» (п. 59 постановления).

Поскольку заявитель никогда не оспаривал действия Т.К. в связи с тем, что ни разу не было случаев, когда она не давала своего согласия на контакт заявителя и Д. и не чинила каких-либо иных препятствий в отношении права на общение заявителя с сыном, Европейский Суд пришёл к выводу, что оспариваемая обязанность заявителя получать согласие Т.К. для его общения с Д., была «необходим[ой] в демократическом сообществе», по смыслу статьи 8 Конвенции (пп. 60, 61 постановления).

В отношении жалоб Рябова Д.О. на дискриминационный подход к его делу, Европейский Суд пришёл к заключению, что «...национальные

суды основывали свои решения на ряде факторов, которые включали, но не ограничивались психическим здоровьем заявителя. Соответственно, нет никаких указаний на дискриминационный подход по данному делу» (п. 64 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека и в цитатах не изменён.

***Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики
Верховного Суда Российской Федерации***